

Алексей Курбак

СОУЧАСТНИКИ

Алексей Михайлович Курбак

Соучастники

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69252604

SelfPub; 2023

Аннотация

Как узнать свою судьбу? И вообще – возможно ли это? Стоит ли ходить по гадалкам, экстрасенсам с астрологами, разоряться на поездки в Тибет к всеведущим ламам? Или узнать предначертанное когда-то можно, лишь прожив отпущенный век и оглянувшись напоследок? Тогда остается плыть по воле волн да ждать, куда вынесет. Многие так и поступают, но судьбу не обмануть, плавное течение жизни ни с того ни с сего сменяется водоворотом, и, чтобы выбраться из него, придется пройти испытание на прочность... Иллюстрация на обложке создана с помощью нейросети *aiDALL-E*.

Содержание

Часть первая	5
ОХОТА НА ЕНОТА	5
Часть вторая	24
ПРИВЕТ ОТ ЕНОТА	24
Часть третья	41
СОН ЕНОТА	41
Часть четвертая	66
ЕНОТ, ДА НЕ ТОТ	66

Алексей Курбак

Соучастники

Почти детективная повесть

Часть первая

ОХОТА НА ЕНОТА

Жить ему приходилось без удобств. Всю жизнь. Ни кола, как говорится, ни двора. И вот только последние два года жилось как у Бога за пазухой. Повезло. Ходил-бродил, бегал-гулял, да и набрел на эту будку-конуру – вполне себе неплохое местечко, практически гарантированное от посторонних вторжений... Потому что за колючей проволокой.

Прежний обитатель, собака, правда, не отличался чисто плотностью, зато позаботился о запасном выходе. Но почему-то устроил его в пристроенный сбоку бетонный ящик – гигантских размеров гараж. Или бокс, как принято называть такие сооружения у военных. Этих боксов, оставшихся без хозяев, ворот и содержимого, на бывшей базе постепенно разрушалось около сотни. Впрочем, нынешний ее жилец подсчетами не занимался, да и считать не умел.

Конура – она и есть конура. Именно от собаки, сторожевой овчарки, когда-то охранявшей в компании с часовыми ныне заброшенный склад-базу хранения бронетехники, ему и досталось роскошное жилье. Песий домик был сработан из обрезков толстых, прочных досок. И крыша – настоящая, шиферная. На века... Только пол в заднем углу прогнил, там

и образовался запасной выход. Не бывает худа без добра.

Тайный ход пришлось переделать, и теперь «запаска» выходит как надо – за стоящую торчком позади жилища порядком замшелую бетонную плиту. Там – лаз в ржавой «колючке», высокая крапива и густой кустарник, овражек с ручейком, а дальше – замечательный лесочек. Кому – дебри, кому – раздолье. Все проверено, путь отступления просто отличный.

Оставшаяся от бывшего владельца вросших в землю хором подстилка здорово смердела, и от нее пришлось избавиться – уволочь в тыл, закидать землей, травой, палой листвой. Туда же выгреб труху с остатками засохших какашек и сгнивших косточек. Все присыпал, а сверху для верности, чтоб не воняло, не раздражало чуткий к посторонним ароматам нос, добавил своего, свеженького. Не пожалел. И регулярно подновлял. Для тех, кто понимает: чужое – гадость и кошмар, а свое – жасмин, лаванда плюс шанель в одном флаконе.

Себе смастерил шикарное ложе из веточек, сена с листьями, нескольких тряпочек, спертого у Мужика коврика. Старался, не покладая рук. Точнее, все-таки лап, поскольку при всем внешнем сходстве, ловкости и проворстве лапы енота руками не являются. А Кеша был енотом. Взрослым, красивым, сильным свободным зверем. Вопреки расхожему мнению: якобы еноты живут на воле не более трех лет, Кеша разменял пятый год и помирать пока не собирался. И о том, как

его зовут, до поры до времени не догадывался. Так назвал его при первой встрече Мужик. Так и звал, когда встречал у своего дома, где ежевечерне оставлял для меньшего брата любимое лакомство – куриное крылышко.

А тогда произошло такое – не хочется вспоминать. Стыд-позор, право слово! Хищник, охотник, а сам попался, как какой-нибудь зайчонок. Как раз в заячий силочок. Петлю. Умело замаскированная подлая стальная паутина затянулась на правой лапе, вздернула... Хорошо, ростом вышел побольше любого зайца – не болтался в петле, подражая декабристам с народовольцами, а стоял на цыпочках. Руку, в смысле лапу, поневоле поднял над головой. Ни дать ни взять, солист-балерун, вышедший поприветствовать публику, да так и застывший, как в детской игре «замри-отомри». Единственно – публики не хватало, птички-бабочки не в счет. Разорвать или растянуть удавку не получалось, и он уже приготовился к последнему средству – отгрызть противную онемевшую конечность. Дороговатая цена, но за жизнь не жалко и ее.

Зверская фортуна распорядилась иначе. Везет дуракам! Услышав приближающиеся шаги, решил было – мохнатый енотов бог внял молитвам, послал кончину во избавление от мук. И на всякий случай прибег к проверенному поколениями средству, притворился мертвым. А когда почувствовал, как на загривок опустилась жилистая рука, дернулся, но – поздно. Рука держала крепко, потом на пойманной лапе щелкнуло, и пленник шмякнулся наземь. Однако, не веря

внезапному счастью, собрался играть роль трупа, пока спаситель не удалится. Не осознал: державшая за шкуру рука успела ощутить и теплоту, и мягкость живой плоти, и бешеное колочение зашедшегося в ужасе сердечка.

Мужик (а это был он) не стал убивать пушистого красавца, перекусил хитрым швейцарским ножиком коварную ловушку. Подождал, пока спасенный не прекратит прикидываться мертвецом. Но спектакль затянулся, и единственный зритель решил стимулировать процесс, а заодно воздал должное таланту.

– Да ты, брат, артист! Прямо Смоктуновский... Стало быть, наречем тебя Иннокентием. Ну, держи, Кеша-распотеша!

И перед носом «покойника» на лесной хвойной скатерти появилось такое!.. Необыкновенный аромат заставил хитреца широко раскрыть глаза. Зверьку, конечно, было невдомек – вышедший на «тихую охоту» мужчина поделился своим припасом, оставив себе хлеб, а ему отдав запеченную с сыром куриную ножку.

Вскочил, огляделся, цапнул нежданный подарок, и восво-яси. Лапа уже слушалась, хотя чувствительность полностью пока не вернулась. Добежал до ручейка, сполоснул угощение, стрескал. После заката по следам разведаль, откуда взялся даритель. Так и выяснил – есть километрах в пяти-шести (это по-людски, а по-звериному – совсем рядом) крайний в доживающем век поселке домишко, где обитают двое, Му-

жик и его кот. Ну, кот – создание несерьезное, а вот его хозяин оказался полезен.

Почти каждый вечер с наступлением темноты Кеша находил у окраинного забора кое-что интересное. И вкусное. Поначалу просто на фанерке, а потом – в картонной коробке, прижатой той же фанериной, а сверху еще и половинкой кирпича. Ему казалось – Мужик усложняет процедуру, чтоб не выглядело элементарной подачкой. А тот таким образом принимал меры к сохранности крылышка, предназначенного для виртуоза сцены, от ворон и прочих бродячих кошек-собачек. Ему, хитрому пронире с почти человеческой сноровкой, достать угощение труда не составляло.

Кроме того, к съестному время от времени добавлялись практичные игрушки – в засушливые летние недели пластиковые поллитровки с чистой водой, мешочек с серой ватой, тряпками, однажды целый лоскутный коврик. У енота все шло в дело. Он по запаху подозревал: в его отсутствие Мужик иногда наведывался к заветной конурке. Вплотную не подходил, бродил неподалеку. Следы могут рассказать многое, но не все. Откуда зверю знать – человек провел там годы, ему знаком каждый метр. А что за ним могут наблюдать в сильный армейский бинокль, и подавно не догадывался...

Если бы отставной техник захотел снять фильм о природе, лучшего актера не найти. Один сюжет о том, как полоскун пользуется приносной водой взамен временно мелеющего ручейка – умора! Прокусывает бутылку, укладывает

на приступку у конуры, а напившись и сполоснув еду, ставит вертикально. Экономит, на зависть многим якобы разумным! И пустую тару, в отличие от человекообразных туристов, где попало не бросает – аккуратно складировует позади логова. Эта повадка и пришла на хваткий ум чуть позже.

Человека, любящего животных, у нас сейчас нечасто встретишь. Своих кошек-собак, даже попугайчиков с хомячками – это одно, а вот тех, кто на воле...

А какая у них воля? Теперь, в нынешнее страшное время? Да, наш город не из мегаполисов, и леса в округе есть, и кустов полно, и озеро-водохранилище с недавно образованным яхт-клубом, речки, болотца. Но все ж хожено-перехожено, вытоптано-пожжено. Травы нормальной, сочной да высокой, и той не густо. А им жить надо.

Другом человека никакого зверя назвать нельзя, отношения иные. Дикий слишком умен, чтобы «венцов творения», как бы те ни красились в «зеленых», сколько бы объедков ни скормили, считать друзьями. И правильно. Вольному подругому не годится. Осторожность для хвостатого племени – главный, основной инстинкт и правило, особенно в отношении нашего брата, человека. Хотя людьми, по большому счету, из двуногих достойны зваться далеко не все. Кто пожил, знает.

Что касается енотов – тут и вовсе разговор особый. Их, из-за природной сметки, пронырливости и склонности к мелко-

му воровству, люди-человеки не жалуяют. В отличие от большинства, отставной прапорщик Павел Васильевич, изрядную часть жизни прослуживший старшим техником-смотрителем на уже упомянутой базе, именно за эту особенность их уважал. Не иначе, чувствовал близость натуры.

О чем гласит «закон джунглей», благодаря Киплингу знают все. Каждый сам за себя! В наш непростой век это считается и ведущим законом всего человеческого бытия. А во времена Союза был разработан и всю применялся негласный и неписанный «Устав Службы Прапорщиков». Его первый и главный пункт постановляет: «Прапорщик, помни: ты в части не гость! Собрался домой – прихвати хоть гвоздь!»

Техник-смотритель стоявшей на хранении сотни с лишним бронемашин много стащить не мог. Хотя тянули все, кому не лень, начиная от командира и кончая рядовыми. Вороватым себя Мужик не считал, но и своего не упускал. Сформированные за десятилетия запасы – краска, соляр, смазки, электролит и прочее – весьма пригодились и помогли пережить самые трудные девяностые. Потом, хоть немного, но полегчало. Пенсия подстойнее образовалась, подработки кое-какие. Выкарабкался.

Овдовев из-за элементарной невнимательности гинекологов, запустивших рак, оставил городскую квартиру дочке с внуками, а сам перебрался на постоянку сюда, на дачку. С собой взял пожилого кота и проигрыватель с изрядным комплектом винила.

Грядки до сих пор держали форму благодаря армейской резинотехнике, краски для забора и стен-рам-фронтонов хватит надолго... Котел в домике – на жидком топливе, а этого добра тоже запасено. Живи – не хочу! Скучновато без жены, да что уж теперь. Зато привык держать себя в форме, ежедневные прогулки- походы по десятку-два верст дают тонус на зависть всем тренажерам. И перекладина, гири-гантели в наличии, не ржавеют. К питью-курению, слава Богу, не пристрастился. И не жалел.

В этот вечер все вроде шло как обычно, Васильич прогуливался. Называют стариком, и ладно. Ему же проще. Пусть думают – старый, хилый, алкаш к тому же. Ладно-ладно. Мало кто знал – в свои шестьдесят с лишним он запросто мог вагон-другой раскидать. Пешком пройти... да сколько надо, столько и пройти. Рвануть стометровку – легко. И двести-триста метров. Прыгать, правда, не силен, да и в молодости с этим не дружил, а отжаться-подтянуться – не хуже очень многих. И подружку Дарью периодически после баньки порадовать не только разговорами под пиво, хотя она вдвое моложе.

А тут послышалось... Нет, не послышалось – вполне четко донеслось, недалеко: резкие пистолетные хлопки солидного калибра, отрывистый гранатный удар, две короткие автоматные очереди, еще хлопки, пауза, а потом одиночный – автомат. И тишина. Все это – рядом, с дороги, отходящей от

яхт-клуба с казино и прочими боулингами. Он как раз мимо в свою вечернюю прогулку трусил. И не надо бы лезть пилиться на свежую перестрелку, да вот не удержался.

Там, в полукилометре от шоссе, они и обнаружились. Лежащий на обочине извилистой дороги мотоцикл. Инкассаторский фургончик впритык, боковая дверца напрочь снесена (гранатой?), в кабине двое в униформе явно неживые. У дыры на месте дверцы еще один, с автоматом, под ним растекается красное, но не краска. Один посторонний у самого кузова, другой поодаль, возле двухколесного коня. Все вроде уже остывают.

Как подбежал, самый дальний приподнялся и, сука, к Мужiku свою ручонку протянул, а в ней железка виднеется. Глаз у отставника наметанный – явно не пугач там, серьезный ствол. «Старик» с линии выстрела кинулся вправо – туда лежащему на правом же боку целить не с руки, подскочил, по кисти врезал. А он, гадина, видно, уже в дороге к архангелам был. Откинулся, красную пену из дыхалки выдал, и готов. Импортный пистоль, побольше «ТТ», отлетел аж под микрик. Ну, не доставать же.

Советские прапорщики, как и офицеры, бывшими не бывают. Если что-то где-то осталось без догляду, надо посмотреть. Отставник зыркнул по сторонам – никого. Ну кто такую возможность упустит? Лопухом полным надо быть, чтоб не взглянуть, на какое сокровище эти два покойника позарились.

Поинтересовался. Мешочков типичных гряда, не менее полусотни. Видать, не первую точку этот фургончик оприходовал. От одного казначейство не обеднеет – рассудил будто не своими мозгами. Ну, и прихватил. На те, которые пошире да потолще, даже не смотрел, выбрал самый маленький, вроде кисета. Зато на нем прилепленная бирка с характерным символом, обозначающим валюту Дяди Сэма. То, что надо. По весу прикинул – около килограмма. Нормально, даже если там одни десятки. А это – вряд ли. Но, когда отходил, лежавший у дверцы человек в синем зашевелился. Надо же! Лужа под ним – явно не нарисованная, а он на тот свет не торопится... Живучий! Мелькнула мысль – если глаза откроет, придется стопорнуть, помощь оказать. Обошлось. Опять затаих.

Даст Бог, успеют, которые ноль-один, ноль-два, ноль-три. А нет – ну, не я же его на эту работенку пристроил, одежду выдал, оружием снабдил. И стрелял по нему, грабил тоже не я. Да и вообще, инструкции соблюдать надо. Какого хрена вы остановились? Кто бы вас, остолопов, ни тормозил, хоть посреди дороги баба с пузом лежит, рожает – не ваше это дело. Деньги в кузове – всё, кати без остановок! Все знают. А нарушил – сам виноват, и весь сказ. Но, учитывая тонкость слуха, уловившего моторный гул из-за поворота, пора было делать ноги.

Он и сделал, только уже не по дороге-обочине, а стороной, кустами, лесочком. Оглянувшись, сквозь кусты усек – оста-

новилося такси, хлопнула дверца. Ну, значит, порядок: у него связь, поездки учтенные – не сбежит, никуда не денется.

До бунгало шесть миль, плевое дело. Но по прямой бежать – дураков нет. Искать, может, не вслед, но будут обязательно. А искать у нас умеют. Работать – не всегда, а по части сыска у тех, кто нас бережет-стережет, все в порядке. Могут и собачонку привлечь. Поэтому рванул сразу до большого шоссе. Там выждал тишины, перешел, а на асфальте разулся, и дальше уже босиком. Тогда и заметил: ушел не чисто. Краем левой подошвы умудрился-таки коснуться кровавой лужицы. Черт! Или «шит!». Или по-простому, «... мать!».

Поклажу в домик не понес. Не знал, сколько там, но уж не меньше пары сотен. Ну-ну, скажете, сотен. Правильно, не самих, а тысяч. Так вернее. Оставил мешочек в Кешинной картонке. Сходил за приготовленным с обеда крылышком, привязал покрепче к горловине «кисета». А дальше – будь что будет! Надо же и провидению (в Господа Бога не верил) дать возможность себя проявить. Распотрошит, под себя подстелит – неважно, главное – не сгрызет. Енот – не крыса и не таракан, ему бумажки в пищу не годятся. Пройдет неделька, и можно будет навеститься к бывшему месту службы за денежным довольствием... А пока будем ждать гостей.

Назавтра к полудню они и явились. Он с утра уже успел убедиться: блюдо ушло по назначению. Работал в саду – косил, собирал падалицу, когда прикатил милицейский «Уа-

зик». Приехали пятеро – плотный капитан-участковый Сергей Петрович, с ним опер в гражданке – поджарый, молодой. Третий, водитель, остался в машине. Четвертым был чернявый узкоглазый коротышка в форме сержанта полиции, а пятый... При появлении пятого у отставника внутри что-то екнуло. Низкорослый сержант вел на поводке крупную немецкую овчарку.

– Добрый день! Полиция. Разрешите?

– А без разрешения что, не войдете?

– Войдем, конечно, но чуть позже – придется за ордером слетать.

– На кой нам ордер? Вы-то ко мне по какому делу? Ищете кого?

– А Вы разве не слышали о происшествии? Вчера стрельбу здесь, неподалеку?

– Мало ли чего тут происходит? Места у нас не слишком людные, но хватает и жилья, и всяких развлекаловок. Теперь только ленивый аттракционы с фейерверками не устраивает. Да что, собственно...

Похоже, терпение участкового подошло к концу.

– Ты, Васильич, под дурня не коси. Ты ж военный! Петарду от перестрелки не отличишь? В жизнь не поверю. Давай начистоту. Вчера около шести вечера где был?

– Дома сидел. Вот, в огороде, опять же.

– А может, гулять ходил? Я знаю, ты везде ходишь-бегаешь...

– Может, и ходил.

– А может, и на дорожку клубную заглядывал?

– Слушай, Петрович, ты думаешь, мне надо по вашим яхтам палить?

– А с чего ты решил, будто там по яхтам стреляли?

– Ну а по чем там еще стрелять? По шарам в кегельбане?

Старший оперуполномоченный отдела особо опасных преступлений, тоскуя по зря потраченному времени, вполуха слушал перепалку двух пенсионеров – одного состоявшегося, другого – на подходе. Этот участковый мнит из себя какого-то всевидящего Анискина пополам с Холмсом или Мегре. Все-то он знает, всех ведает. Мисс бы Марпл ему в напарники!

Когда накануне Алмаз взял у фургона кровавый след, сразу заявил – без Васильевича не обошлось! Кроссовки, мол... А след привел на шоссе, и все, кранты. Собаку так просто не надуришь. Понятно: один из нападавших уцелел, оценил провал замысла, прихватил самый ценный мешочек с валютой из полуподпольного казино, и на шоссе... Там сел либо в свою, оставленную заранее машину, либо поймал попутку. Ищи-свищи! А почему не уехал на мотоцикле, фургоне? Почему пистолет второго бандита оказался под кузовом?.. Вопросов гораздо больше, чем ответов. Ну при чем тут этот прапорюга?!

Вчера сразу выяснилось: остановиться машину инкассаторов заставило появление на дороге возле «аварийного»

мотоцикла знакомого им клубного охранника с окровавленным лицом. Грим на физиономии незадачливого грабителя, схлопотавшего в грудь очередь «калаша», оказался банальной губной помадой.

Хуже другое. Деньги из кассы клуба забирали в банк нерегулярно. А в телефоне управляющего, дававшего заявку на приезд инкассаторов, обнаружился «жучок». Кто его поставил и прослушивал, узнать не представляется возможным. Найдем – станет ясно, кто организовал налет, а может, и все остальное. Дело о хищении ста двадцати тысяч американских долларов пока не возбуждали. С этим спешить не надо – может, оно и не будет раскрыто...

Участковый упорно гнул свою линию.

– Не возражаешь, если мы тут у тебя осмотримся? Во дворе, в доме, в баньке?

– Мне скрывать нечего, осматривайтесь, сколько влезет.

– А наш Алмазик и понюхает заодно. Ну, Шамиль, приступайте!

Узкоглазый негромко скомандовал:

– Алмаз, ищи! – и началось...

Во дворе, в саду-огороде и баньке собачьего интереса ничто не привлекло. А войдя в дом, пес, не взглянув в сторону полосатого Тихона, с возмущенным шипением взлетевшего на шкаф, сразу обратил внимание на стоящие у входа кроссовки. Подошел, обнюхал и поднял к проводнику какой-то не по-собачьи задумчивый взор. Безрезультатно обойдя обе

комнаты, вернулся. Но голоса не подал.

– Это что значит? – оживился участковый, – Та обувь? Кроссовки с места убийства?

– Какого, блин, убийства?! – отставник, похоже, не на шутку встревожился, – Ты, Петрович, часом, не охренел?

– Никак нет. По-видимому, материал схожий, но Алмаз точно не идентифицирует, – сержант явно не совсем понимал происходящие с четвероногим экспертом метаморфозы, – Если бы это была ТА обувь, запах крови бы сохранился.

– Какой, к черту, крови, е-мое?! – вскричал хозяин, багровея от вполне понятного негодования.

Да быть не может! Чтобы после двухчасовой обработки с нашатырем и щеткой, многократным мытьем, а потом – намеренным нанесением фекального загрязнения и его не слишком тщательным удалением, на подошве хоть что-то осталось от мизерного красного пятнышка! А ведь сверху еще и соляничкой прошелся для верности...

– А чтой-то твои ботиночки чистенькие такие? Прямо как из магазина? – продолжал допытываться участковый.

– А может, я на говно наступил?

– А может, на наступил, а вляпался? По самое это самое?

– Ну так арестуй меня, и дело с концом! – вспыхнул заведенный творящейся несправедливостью владелец подозрительной обувки, – Хотя я и не знаю, что ты мне тут втюхиваешь... Ни в кого я не стрелял, ничьей крови не проливал. Пытать будете – во всем признаюсь, чего и не делал, боли все

боятся. Только потом на суде все равно отрекусь, так и знай, падла! Давай, сажай под замок, вези!.. Одна просьба – дай дочке позвонить, чтоб приехала, кота к себе забрала. Он уже старый, один долго не протянет...

Рубаха на груди пока не трещала, но все, вроде, шло к тому.

– Ладно, капитан, хватит ломать комедию! – вмешался молчаливый штатский, – Проводник ясно говорит – обувь не та. Поехали.

Выйдя за калитку, пес-ищейка вдруг напрягся и потянулся к лежащей неподалеку картонной коробке.

– Ну-ка, ну-ка... – повеселел участковый, – Давай, Шамилек, проверим эту коробочку... Дай-ка Алмазику понюхать во-от этот мешочек, я у инкассаторов одолжил. Он денежка-ми пахнет, ни с чем не перепутаешь.

Услышав долгожданное: «След!», пес коротко рыкнул, дернул поводок и устремился через дорогу, в кустарник, потом дальше, дальше по лесочку. Все прибывшие почти бегом поспешили за ним, водитель с автоматом наизготовку приобрел до смешного воинственный вид и помчался туда же.

И второй раз ухнуло в груди, только теперь уже всерьез. Ну, вот и все... Какого лешего полез в этот сраный фургон? Да, енотик – не собака. И не волк. Тот вон запросто здоровенную ярку на спине уносит. А Кеша слабоват оказался, наверное, мешочек по земле волочил, вот след и образовался. М-да, чему быть, того не миновать.

Вскоре поняв, в каком направлении идет погоня, капитан приободрился еще больше и на полубегу поведал раздраженному убойному оперу историю предмета.

– Я ж его, как облупленного... Он же здесь служил, танки на базе охранял-обворовывал... Туда и снес, припрятал, не иначе. Возьмем валюту, а потом и его. Тепленького.

Собеседник, не отвечая, сжав зубы, думал о своем. О дураках, идиотах, баранах и прочих пнях при ментовских погонах, из-за которых приходится бегать по лесу, кормить комаров, рисковать подцепить клеща. А бесценные минуты и часы уходят. Время остается временем. Ну, зараза!..

Вспотев и здорово исцарапавшись, ведомые поскуливающим от возбуждения Алмазом искатели через полчаса прибыли к ограждению. Оно, хоть старое и ржавое, для человека было непреодолимо. Но где автомат Калашникова, там и штык-нож; в паре с ножнами из него получают отличные кусачки именно для колючей проволоки. А на нижней ее нити глаз участкового следопыта зацепился за клочья шерсти, оставленные ну никак не человеком. Куда ты, тропинка, меня привела?.. Умник в штатском, судя по всему, тоже все понял. Посмотрел укоризненно, покивал. Эх, собака, собака...

Между тем ищейка, промчавшись мимо ряда потрескавшихся бетонных строений, бросилась за угол крайнего, где взорам опергруппы предстала. обыкновенная дряхлая собачья конура. А дух у сыщиков просто заняло – такой вони

никому из запыхавшихся бегунов никогда в жизни ощущать не приходилось. Теплое солнечное безветрие усугубляло эффект. Алмаз с лаем двинулся в сторону источника едкого фимиама, но проводник, задерживая дыхание, прервал его «полет».

– Алмаз, фу!.. Нельзя! Сидеть!.. Фу!!!

На честной собачьей морде явственно читалось недоумение: «Как же так?! Я же нашел – вот же оно, там, зарыто под этой пахучей дрянью, позади будки. Хозяин, миленький, пусти, я мигом откопаю!»

– Ты что, не понял, сержант? Вот следы, смотри сюда, – капитан скорчил укоризненно-разочарованную гримасу, – Это енот! У него тут логово, а Васильич наш, похоже, его подкармливает. Да, хорош твой Алмаз, ничего не скажешь! Мастак ходить по говняному следу!

Рвущегося к цели пса удалось унять, только отведя на полсотни метров, когда группа вышла из ядовитого облака.

Овчар, обиженный на весь белый свет, понуро поплелся в обратный путь, но уже не во главе, а в самом хвосте процессии. Да и остальные поисковики чувствовали себя далеко не лучшим образом. Непростая работа – нюхать енота!

– Чего приуныл, Васильич? Раскрыл, раскрыл Алмазик твой секрет! – потный участковый, верный себе, сохранял веселый тон, – Мы должны...

– Ну что ж, раз должны, – военный пенсионер, глубоко

вздыхнув, попытался протянуть ставшие непослушными руки запястьями вперед, – Я готов ответить по закону...

– Мы должны извиниться перед Вами, Павел Васильевич, за причиненное беспокойство. А благодарности и премии за помощь диким животным у нас пока не предусмотрены. Уж не обессудьте!

Часть вторая

ПРИВЕТ ОТ ЕНОТА

– Алмаз? За енотом?! Окстись, отец родной! Про кого другого, может и поверил бы, но чтобы этот пес – нет, нет и нет!

Именно так отреагировал давешний однокашник Сергея Петровича Анисимова по прозвищу «Анискин» на его историю, поведенную при случайной встрече в столовой санатория МВД, где один заканчивал, а другой начинал двухнедельный курс лечения.

Миновал год после увольнения теперь уже бывшего участкового из органов. Заслуженного, надо сказать, увольнения, с сохранением права носить форму, солидным пенсионным обеспечением и медалькой-побрякушкой на память.

Отставной подполковник говорил горячо, со знанием предмета. Его апломб объяснялся просто: собеседник Петровича последние годы перед окончанием карьеры руководил одним из филиалов кинологического центра. Проще говоря, служебным собачьим питомником.

Звучит несколько оскорбительно для опытного оперативника с многолетним стажем поиска и поимки всевозможных нарушителей-преступников-душегубов, но тем не ме-

нее. Учитывая перенесенные инфаркты, надо было или уходить совсем, или соглашаться на предложенную альтернативу. Вот и стал «на старости лет» (хотя какая, к черту, старость в неполных пятьдесят?!) собачником. И, как ни странно, довольно быстро втянулся, даже успел полюбить необычную работу, воспитанников и питомцев. Освоил новые подходы, методики, нюансы и парадоксы.

Одним из новоприобретенных знаний стало: грамотно обученная и натасканная служебная собака никогда не сорвет задание, не отвлечется, не испугается и не подведет. Она – не человек с присущими ему слабостями, амбициями и нестойкостью перед соблазнами. Об этом собачий службист и провел ликбез с разинувшим рот бывшим участковым.

А главное – собака, разыскивая пропавших детей, вынюхивая наркотики либо взрывчатку, даже преследуя бандита, не работает в примитивном, человечесьем понимании этого слова. Ей не интересны и не нужны чины, звания, награды и почести. И повышение оклада ей ни к чему. Собака просто играет.

Но игра эта – особая. И правила в нее закладываются раз и навсегда кропотливой специальной дрессурой. Тогда псина, получив задание найти что-либо по запаху – например, упомянутый мешочек с деньгами – на разное другое и прочее не реагирует. Ни еноты-бегемоты, ни бабы-ухабы ищейку с пути истинного сбить не в состоянии.

– Так что же получается? Он, выходит, не на енота там лаял, возле конуры?

– Да ему до дяди Пети все еноты на планете! Он нашел! Нашел, понятно? Поэтому и подал голос. Это же Алмаз! Он лучший розыскник, наверно, за десяток лет в нашем филиале. По твоей милости его ко мне на переподготовку направили, едва в цепные не списали. Вы, ребята, все там в говно угодили. Кроме него, разумеется.

Экс-капитан вспотел, сел, встал, опять сел. Кинолог положил ложку.

– Я потом чуть бумагу в ваше облуправление не отправил. Были бы тебе тогда разборки вместо пенсии. Валюту-то так и не нашли?

– Да никто особо и не искал. Банки между собой по страховкам разобрались, и все. Висяк образовался, потому как организатора тоже не нашли. Решили – он с тем мешочком ушел, и с концами... Наряд на базу посылали, они покопались – ничего. Отмывались неделю.

– И еще. Я тебя, Анискин, со школы милиции помню, ты парень непререкаемый. Если чего решил – все, только так! Небось весь поиск сам и возглавил? Рукой водил... Ты думаешь, это по твоей команде Шамиль Алмаза от логова увел? Кстати, легко ушла собачка?

– Да где там! Втроем отгаскивали.

– Ну вот. Понимаешь, это ведь не нора была, как ты сам рассказал, а старая собачья будка, конура. Из норы обычно

другой выход есть, а там – скорее всего наоборот. Енот копать не умеет. А вдруг зверь не успел слинять и там сидел? Днем было дело, верно? А он хищник по преимуществу вечерний, ночной. Днем отсыпается.

– Ну да, вполне возможно, когда мы подбежали, никто там не выскакивал...

– Вот и сержант это понял. А для него собака – лучший друг, почти сын родной. Он его сосунком взял, растил, ходить учил. Не так, как тебя, балбеса, на двух ногах, а по следу. И риск потерять песика для него – нож острый.

«Анискин» собрался привести свои резоны, но не успел. Старший по званию махнул ладонью – молчи.

– Нет, не сомневайся, если б вы там убийцу преследовали, он бы секунды не раздумывал, спустил пса. Тот против ножа и даже ствола сработает – мало не покажется. Уложит подлюку. А нет – такая его собачья доля. Но – только в оправданном случае. Человечья жизнь цены не имеет, за нее любой проводник и своего друга мохнатого отдаст, и сам пойдет. А там, у вас? Куча говна, конура, где то ли есть мешок, то ли уже нет, а зверь сидит, напуганный и злобный. Да, овчарка енота в секунду удавит, но тот ведь тоже будет биться насмерть, тем более в тесноте. И куснуть хоть разок успеет. А у них, гаденышей, всякой заразы не счесть – и желтуха, и паразиты всякие, и бешенство, наконец! Цапнул ищейку за нос – и все. Человека вылечат, а собаку? Это тебе не машина-мотоцикл, новую не купишь. Надо вырастить, воспитать,

обучить. Вот сержант в тот миг все взвесил и решил: да, возможно, находка там. Но послать Алмаза в логово на почти верную схватку с затаившимся зверем – ни за что! Пусть сочтут дураками и собаку, и его, любые ваши валюты здоровья его «сыночка» не стоят! Понял, сыщик говняный?

– Понял, чего тут не понять...

– А твой прапор, друг зверей, где? Живой?

– Прапором, конечно, не помешало бы заняться. Но он-то как был ни рыба ни мясо, так и остался...

Произнося финальную фразу, Петрович мысленно уже просчитывал совсем иные цели и средства, ходы и выходы. Да, как раз прапора давненько не видно. Надо бы проведать.

Проведал, и что? А ничего. Домишко стоит как стоял, только закрыты на солидные навесные замки и калитка, и сам дом. Окна заставлены дощатыми щитами, дорожки в саду-дворе, всегда заботливо вычищенные, заметены палой листвой, поросли травкой. А хозяин? Ау!.. Ау-у... У-у-у, сука!

И, глядя на оставленное жилье, будто во сне увидел: поверхность то ли моря, то ли огромного заросшего ряской пруда, на ней островок из зеленых портретиков Франклина с Грантом¹, а над всем этим великолепием парит в виде

¹ Портреты президентов США Бенджамина Франклина и Улисса Симпсона Гранта изображены на купюрах номиналом в сто и пятьдесят американских долларов соответственно.

аэростата округло-объемная фигура с румяными щечками, в форменном кителе, сапогах и при галстуке. Фуражечка, улыбочка, а сзади на самом выпуклом месте – пипочка с завязкой и веревочкой. Надули!!! Надули...

Разговор с бывшим кинологом как начался, так и окончился, санаторий не принес ни пользы, ни, к счастью, вреда, но с тех пор в капитанском черепе засела занозой и день ото дня крепла мысль. Надо дожать!

Как можно догадаться по грандиозным карьерным достижениям, участковый мент, начавший службу лейтенантом и через два с половиной десятилетия ушедший на заслуженный отдых капитаном, звезд с неба не хватал. Вместо них хватал кое-что еще. К его потным ладоням прилипали пусть не самые крупные, зато весьма многочисленные подношения самых разных действующих лиц и исполнителей.

Перестройка и ускорение несколько изменили количественный и качественный состав населения участка. Поменялись названия, функции и ассортимент подконтрольных ему ларьков, магазинов, базаров и мини-маркетов. Расширился круг полномочий и, соответственно, стадо «барашков в бумажках».

Рыночные отношения тоже внесли свою лепту. Несколько раз деятелю светили внутренние расследования, были и временные отстранения, но с виду шершавый участковый на деле был скользким, как налим. За руку не был схвачен ни разу. А не пойман – не вор, не взяточник, не хапуга. Так и

уволился незапятнанным.

– Слушай, а чем у тебя в бане так пованивает?

– М-м-м... Так, коптил кое-что. На можжевельнике.

– Нет, не копотью. Скорее падалью. Или гнилью какой.

– Наверное, крыса или мышка сдохла.

– Ну да, похоже. Они вон у тебя, как Тишки не стало, совсем разошлись. Может, возьмешь котика на замену? А лучше кошечку. Подружка предлагает, у нее пяток есть, на выданье. Только сосать перестали, самое время.

Да, самое время. Только не котят брать, а бежать. То есть уезжать.

Спокойно, без паники, музыки, шума и пыли. К этому месту, где прошел, что греха таить, самый солидный кусок жизни, больше ничто не привязывает. Дочка повторно вышла замуж, подалась в столицу. И были не слишком близки, а сейчас и подавно. Новый муж – себе на уме, без грубости дал понять: Вы, уважаемый, нам не ко двору. Внуки, погодки Машка с Сашкой, тоже к сельской жизни не тянутся. У них нынче другие забавы-игрушки.

Тихон... Нет уже и его. Славный котяра, пусть и был ленив, но при нем хоть мыши не борзели. Последний год из дому не выходил. По нужде – аккуратно, в специальный лоточек. А на восьмое марта вдруг рванул к порогу – выпусти, срочно! Выпустил... Назавтра нашел за банькой, холодненького. Схоронил в углу огорода.

И Иннокентий после таяния снегов так и не появился. Кто знает, может, отжил свое, а может, подался на поиски подружки, побуждаемый весенним солнышком... Тем паче – перед наступлением холодов и законной спячки был откормлен на славу.

Благодарный сообщник, убедившись в сохранности доверенного зверю куша, через день снабжал лохматого хитреца уже не крылышком, а целой полутушкой. Не мудрено, что накопленный с осени жирок сыграл свою роль. За долгий зимний сон обратился в мужской гормон, и последовал полноценный мартовский гон.

А ушедшие звери, в отличие от преступников и прочих романтиков, к местам былых подвигов не возвращаются. Тем более куда возвращаться? В конуру, где был до полусмерти напуган свирепо гавкающим монстром? Пока уносил ноги через узкий запасной выход, чуть не оборвал когти. Дудки! На фига такие будки...

Назавтра после События и бессонной ночи, прикинув – повторного визита полиции, вероятнее всего, не будет, Мужик сбегал на рассвете в гости к Кеше. Того видно не было, как и никого иного-постороннего (понаблюдал в бинокль). Обошел базу по периметру, заглянул в конуру – пусто. Увидел заметно повывисившуюся кучу на задворках, затаив дыхание, не от волнения – просто чтоб не задохнуться, копнул, достал, и ходу.

«Кисет» сжег сразу. Деньги не пахнут... Ага. Вот бы дать

автору сей умности понюхать хоть одну из тех купюр!

Через полгода, к весне, после неоднократного пропаривания и окуривания в бане, стало возможным хотя бы толком пересчитать. Но пустить в оборот или разменять не рискнул. Понимал – первое же такое движение станет и последним.

Решил – возьму с собой Дарью, поеду к морю, а там – порты, моряки, обменники... В тамошних объемах мой мизер никто и не заметит. Куплю домик, недорогой, вроде моего здешнего. Обзаведусь Тихоном-вторым. Сад с виноградником, гранатами, персиками. Давно собирался научиться нормально грести, на моторке ходить опять же, и под парусом – вот и поучусь, это ж никогда не поздно.

– Спасибо, Паша, но я с тобой не поеду. Не обижайся. Сам подумай. Конечно, мне с тобой очень хорошо, но мне сколько, не забыл?.. А тебе? А я ребенка хочу, девочку. Можно и мальчика, и двоих. Какой из тебя молодой отец? Смешно... Так что у нас сегодня, повторюсь, не обижайся, видно, выпускной. Опять же, пойми, мне ведь хочется и пожить более-менее красиво, и поездить. На море, в Европу, в конце концов! Тебе, конечно, пенсии вполне хватает, и домика этого, а я? Я же простая учительница. Кого я там обучать стану? Нет, погоди, я не упрекаю, правда...

Он слушал, и внутри что-то переворачивалось. Даша. Выпускной... Да если б ты знала!.. Но язык будто окоченел. Промолчал. Что знаешь один – твое. Что сказал – уже не

твое, не вернешь. Недаром считается квинтэссенцией мудрости: «Язык мой – враг мой!» Или вот: «Слово – не воробей, вылетит – не поймаешь.» А сам мудрец пробовал? Нет, не ляпнуть чего попало сгоряча, а воробья поймать? Ну-ну...

– А может, поучишься жить по-новому? Устройся вон хоть в банк, начальником охраны или автослужбы. Ты ж здоровый, непьющий, опытный, все умеешь. А что не умеешь – научишься. Говорят же: век живи – век учишься.

Утро вечера мудренее. Настало и это утро. Последнее с ней. Или первое без нее? Как ни поверни – дальше один.

– Ладно, прощай, милый друг. Может, уже и не придет свидеться. Зла не держи.

– Какое зло. Спасибо, что была, без ругани ушла, кошелек не унесла...

– Да ты поэт! Фамилия у тебя, случаем, не Бродский?

– Угу. От слова «бродяга».

– И куда побредешь, бродяга?

Вот об этом потом пожалел. Размяк за ночь, оттаял. Язык – все-таки враг. Полетел серенький, захлопал крылышками...

– Есть у меня давняя мечта. У моря пожить, солью подышать. Служил когда-то вблизи городка, что еще Лермонтов поганеньким называл. Помнишь, учительница?

– Не поганеньким, двоечник. Скверным. Тамань... – с какой-то нежномечтательной интонацией прозвучало последнее, что услышал из уст последней любимой женщины.

Раздавшийся теплым приморским вечером стук в дверь тревоги не вызвал. Лишь увидев на пороге знакомую плотную, ставшую уже грузной фигуру, понял: беда! А когда, улыбаясь и похохатывая, поздний гость предъявил аргумент в виде вороненого металлического предмета, пришла мысль: сколько веревочке ни виться...

– Не ожидал? Я, Васильич, я. Откуда взялся? Ищущий да обрящет – слышал? У нас, ментов, все знаешь как схвачено? База данных всеобъемлющая! В компьютере три кнопочки нажал – и ты на мониторе. Кино не смотришь, а зря! Ладно, шутю. Угадаешь, кто просветил?

Дочке не сообщал. С электроникой не подружился, в сети не регистрировался, разных e-майлов нет. Написал только одно письмо, оставшееся без ответа. Ну да...

– Она самая, а кто ж еще? Дарья твоя у нас нынче мужняя жена, на сносях. Поначалу, правда, заартачилась – не знаю, мол, не ведаю... Тут ведь к женщине надо с подходцем, с лаской. Я на пузо поглядел и спросил тихонько: «А не боишься, девонька, ребеночка до срока потерять?..» Да ладно, не напрягайся. Сильно не пугал, сказал, надо старые дружбанские вопросы порешать.

Разысканный молчал, кивал, но сесть не предлагал. Незванный гость по-хозяйски прошел к столу, уселся, достал здоровенный клетчатый лоскут. Утер потное лицо, шею.

– А почему не спрашиваешь, зачем пришел?

– Да что спрашивать. За мелочью, чай, через пол-страны не потянулся бы...

– Ну, для кого, может, и мелочь. Тут, понимаешь, Василийч, вопрос, можно сказать, чести. Тогда, на базе той, твой вонючий подельник всех в лапти обул. Всех, но не меня!.. Собаку, блин, специально обученную, и то наколол. Собака – она чем чует? Носом! А мент, настоящий, вроде меня – мозгами! Нутром. Я тогда сразу понял – что-то не то. Но, как видишь, добрался до тебя только вот сейчас. Ну?

– Сколько ты хочешь?

– А ты как думаешь?.. По-божески, брат, по-божески. Половину. Ты, вижу, живешь скромно, пенсия поступает исправно. Садик развел, винцо, небось, давишь. На иждивении вон, один кот. Кис-кис... Работаешь, как я выяснил, в аэро-клубе сторожишь. И правильно, для лодочки да машинки бензинчик не лишний.

Хозяин отмалчивался. Чего возражать? Все разведал, гад.

– Кстати, должен похвалить. Не удивляйся, я по-доброму. Тут о тебе хорошо отзываются: тихий, спокойный, вежливый. Непьющий. Молодец, не высовываешься. Как говорится, чем выше трава, тем ближе коса...

– А что мне, в депутаты лезть? Или в крутые? Мне много не надо.

– А у меня расклад другой. Не один я. Жене сорока нет, энергичная... подай ей магазин, мехами ворочать-торговать. Надо помочь женщине, согласен? Вижу, согласен.

Отставной прапорщик в который раз подумал: ну на кой, на кой хрен полез тогда? Эх, задний бы ум да вперед... Толстяк скрипнул стулом.

– Не обидишься, если дам дельный совет? Я ведь не слепой, у тебя на морде написано – предложить мне морской водички попробовать. Не вздумай. Ствол у меня не для бле-зиру. Я, может, не снайпер, но с двух шагов не промахнусь.

– Кстати, это что, твой табельный?

– Шутить изволите? Я ж на пенсии. Форму носить разрешили по праздникам (на кой оно мне упало), а ствол полагается сдавать. Да и где ты видал табельный «Глок»? Мы с тобой не в бетонных джунглях Чикаго и не в дебрях Амазонки. Так, было дело, – мент-пенсионер почесал сталью под носом, – Тебе за железки хвататься не советую – шмальну без предупредительных штучек. Сначала в живот, сговорчи-вее будешь...

– Не за что мне хвататься. Оружия не держу. Не приобрел.

– И правильно, дружище Паша. Ствол – особая вещь. Приобрéтши-прибряти – сразу тянет постреляти... Не всякий удержится. Пошел, пошел, время – деньги, хе-хе...

Хозяин в сопровождении гостя перешел в спальню, отодвинул шкаф, приподнял половицу. В нехитром тайнике рядом с самодельным жестяным «сейфом» лежал невидимый визитеру заряженный, готовый к применению «Марголин»².

² Пистолет Марголина – советский спортивный самозарядный малокалиберный пистолет.

Но отставник его брать не стал. Вынул из жестянки холщовый сверток, повернулся.

– Здесь все, что осталось. Можешь забирать.

– Ну, зачем же все, мне чужого не надо, давай посчитаем, решим. Ты садись, садись, будь как дома.

Сноровисто, как опытный кассир, бывший мент пересчитал валюту, поморщился.

– Чтой-то... Чем-то... Так они что, до сих пор?! Ну, у тебя, брат, и напарник! А ты тоже хорош! Мог бы и проветрить!

– И проветривал, и в бане грел, и можжевеловым дымком обдавал. Только не стирал.

– Правильно, дорогой, правильно. А то потом надо каждую бумажку отдельно в банке менять. Не поймут. Или наоборот, слишком много поймут.

Закончив счет, гость поднял злобные глазки, улыбнулся-оскалился.

– У тебя здесь восемьдесят две. Где остальные?

– Ты на них сидишь, на остальных.

– Не понял. А-а, жилищный вопрос...

– И катерок, и колесики.

– Ладно, – толстяк отсчитал шестьдесят тысяч, остальные завернул в холстину, бросил в темноту спальни, – Чтоб глаза не мозолило. Сам понимаешь, мне – половина не того, что осталось, а того, что ты спер.

Посетитель неожиданно легко для явно избыточного веса

поднялся, шагнул к выходу, не убирая оружия.

– Не провожай. Обниматься тоже не будем. Я полагаю, на этом свете нам встречаться-пересекаться ни к чему, а на том – не нам решать. Здоровья не желаю – нехорошая примета говорить, чего не думаешь. А врать не приучены.

– И тебе того же.

– Здравствуйте! Полиция. Разрешите войти?

– А без разрешения – что, не войдете?

Уже, естественно, зашедший в офис торгово-закупочного предприятия «Анис» щеголеватый офицер в серо-синей форме внимательно взглянул в лицо восседавшего за раздольным столом хозяина.

– Так... Я вижу, вы как были, так и остались юмористом. Я – ваш новый участковый инспектор. Старший лейтенант Анишин Кирил Антонович.

– А кличут Анискиным, не иначе? Тезка, стало быть...

Назвавшийся новым участковым чуть набычился, изобразил улыбку. Темные маслянистые глаза не улыбались, смотрели цепко и пристально. Не дожидаясь приглашения, подошел к столу, отодвинул один из стульев, сел. Закурил. Хозяин не возражал, только почему-то сглотнул.

– Шутки в сторону, уважаемый. Тот факт, что недавно носили погоны, не избавляет вас от обязанности оказывать содействие органам.

– И в чем же я должен оказать это самое содействие?

– А вы еще не поняли?

– Н-никак нет. Просветите, ежели не в тягость.

– Видите ли, при вступлении в должность я просмотрел тут некоторые дела. Из бывших, недоделанных, то есть незакрытых. И нераскрытых.

– И что? Да в каждом отделе-управлении таких пруд пруди.

– Есть и особенные.

– Например?

– Мне вот попалась папочка... Я ее для себя назвал «охота на енота». Ни о чем не говорит?

– Припоминается что-то, но очень смутно. Всего, знаете ли, не упомнишь...

– Странно. Вы ведь тогда первым оказались на месте преступления. Подозреваемого определили, поиск проводили, но не нашли... Ну да ладно. Не о том разговор.

– А о чем же тогда?

– Да вот об этом, – гость в мундире повел рукой, – О самом. Бизнес-то как идет? Успешно?

– Сводим понемногу концы с концами...

– Ну вот что, Петрович. Не прибедряйся и, как сам любил выражаться, под дурня не коси. Ты не хуже моего знаешь, за чем я пришел.

Фраза прозвучала именно так, отдельно: ЗА ЧЕМ. Ответ оказался вполне ожидаемым.

– И сколько ты хочешь?

– По-божески, дорогой, по-божески. С ребятами из налоговой я дружу, так что твои доходы мне хорошо известны. Сколько утаиваешь – выяснять не будем. Откуда у простого мента деньги на меховой бизнес – не мое дело. И куда делась та валюта, так и не найденная, тоже. Поэтому – десять процентов. Ежемесячно. Куда-то стучать, рыпаться не советую. Прошли времена, когда ты с ножницами ходил. Ты теперь в стойле, и когда стригут – стой смиренно.

Ну и где это, спрашивается, в каком мифе, какой теологии отыскать бога-взяточника?! Точнее, рэкетира? С тоской понимая: это – только начало долгого и трудного пути, бизнесмен открыл сейф. Отсчитал. Положил купюры на стол перед вымогателем. Тот потянул носом, отшатнулся.

– Что-то... А чем это?!.. Проветривать сейф надо бы, уважаемый!

– Да бросьте, коллега! Деньги не пахнут!..

Часть третья

СОН ЕНОТА

Знающие люди (во всяком случае, они сами себя такими считают или, по-нынешнему, «позиционируют») утверждают: во сне человек не может увидеть чего-либо для себя абсолютно нового. То есть, чтобы приснилось, надо сперва узреть наяву если не все содержимое «ночного конверта», то хотя бы нечто подобное. Так, с материалистической точки зрения, все последователи Сеченова с Павловым и им подобных сходятся во мнениях – никаких Америк на подушке не откроешь.

Поэтому самая распространенная теория о сущности сновидения определяет его как «небывалую комбинацию бывалых впечатлений». А по Фрейду, тут все решают подавленные желания, особенно секс. Может быть, может быть. Но ведь мистика тоже, как ни крути, присутствует и, вполне возможно, древние были в чем-то правы.

И душа каждого засыпающего, как и умирающего, существа, совсем не обязательно человека, отправляется в одной ей известные странствия. Поднимается в наяву недостижимые сияющие вышины или, наоборот, опускается в столь же неведомые непроницаемо черные глубины. Где-то там

встречается, пересекается, общается и обменивается кварками информации с душами всех прежде сущих или ныне спящих.

Кого-то понимает, принимает, записывает в свою памятьную ячейку. А кого-то не только не понимает (как понять червя, медузу?), но и отталкивает, отрицает напрочь. И тогда спящий вскакивает, содрогаясь от неясного ужаса, который не только описать – представить невозможно.

Врут, врут физиологи! С психиатрами заодно. Пытаясь восстановить подробности странного видения, вслушиваясь в шум прибоя, он подумал: бессовестно врут... А как проверить? Как и многим другим, ему приходилось во сне заново проживать когда-то случавшиеся события, с самыми разными вариациями, отступлениями и нагромождениями сюжетов. Но это, это – откуда? Подавленный секс?! Боже сохрани! Комбинация впечатлений? Скорее всего, да. Для него – небывалая, очевидно. И самое главное – вроде бы понятно, чьих.

Он бежит-спешит к знакомому домику, пробираясь через заросли, кусты, высокую траву. При этом видит окружающее в странном ракурсе – не с высоты человеческого роста, а гораздо ниже. То есть, похоже, передвигается не иначе как на четвереньках, но быстро, ловко, проворно. Да и тропинки выбирает не привычные, нахоженные годами, а еле заметные, такие, где человеку явно не пройти.

Вот и забор показался, калитка. Неподалеку – картонная коробка, прикрытая фанеркой. Подобравшись вплотную, он осторожно осматривается. Никого. Теперь надо аккуратно сдвинуть половинку кирпича, приподнять крышку, и угощение – к вашим услугам.

Сдвигает, приподнимает, и вдруг вместо аппетитного куриного крылышка из коробки высовывается громадная оскаленная собачья морда! Уши прижаты, глаза горят, торчат острые клыки. Рвет душу злобный лай, доносится визгливый приказ: «Алмаз, фас! ФАС!!!» Бежать, бежать! Но спасительного запасного хода нет, ножки-лапки словно приросли к земле. Все, пропал...

По всему выходило – такая жизнь ему вполне подходит. Для этого придумано иностранное, красивое определение «анахорет». Отшельник. Хотя вообще-то анахорету полагается пустыня, на худой конец степь, горы. Безлюдная местность. По-нашему точнее, ёмче и честнее: бирюк. Одинокий, никому не нужный и сам ни в ком не нуждающийся зверь. Волк.

Ну, он-то не хищник. Вроде бы. Но потрогать-погладить никому бы не советовал – укусит. Или даст по рукам. Не от злобы – просто чтоб не лезли. Да никто и не пытался. В его домик на окраинной улочке поселка возле крутого морского берега гости не ходили. Не звал и сам зван никем не был. Так повел себя сразу после переезда сюда, так и велось.

Жизнь шла себе размеренно, спокойно. Течения времени практически не замечалось. Сезоны, конечно, сменялись. Здесь, на стыке двух морей, в непонятном то ли морском, то ли степном климате, перемены не были резкими, контрастными, как в средней полосе. Летняя жара не изнуряла, а зима... Ее в привычном понимании здесь не бывало вовсе. Холодало, да, но снег если и выпадал, то не залеживался, тут же стаивал, море и не думало замерзнуть.

Он, в отличие от местных жителей, с окончанием «купального» сезона на лодке не плавал, не рыбачил. Рыбалкой и вовсе не увлекся, а поплавать (по-морскому «походить») на своем суденышке, названном вполне банально «Чайкой», любил просто так, без всякой цели. Чаще всего как проще, с мотором, когда – под парусом, чему так толком и не научился, а иной раз и на веслах.

Но, с учетом ширины даже его скромной посуды, для гребли надо было иметь плечи поистине богатырские, и она удовольствия не доставляла. Удочки, разумеется, приобрел, ловить получалось – брал по десятку-полтора кефалей, особенных крупных местных бычков, ставридку. Сетью – и не пробовал.

А как уходила весенне-летняя жара, а потом и не слишком щедрое тепло первых осенних месяцев, всякую мореходную активность прекращал. Даже купание. Ходил ежедневно полтора-два часа, да и бегал по-прежнему, стараясь выбирать маршруты помалоллюднее. По сути, переживал холода, прак-

тически впадая в своего рода спячку.

Несколько раз ездил паромом на соседний полуостров, где проводил два-три дня, гуляя по горам, ночуя то в машине, то в мелких частных, прости Господи, «отелях». Там тоже практически ни с кем не общался.

Подобранный возле районного базара и назначенный в компаньоны котенок – Тихон Второй, попросту Тишка – своего имени, в отличие от предшественника, не оправдал. Повзрослевший и быстро заматеревший полосатый меньший брат в опеке и заботе хозяина, похоже, совершенно не нуждался. Домашним его можно было назвать с большой натяжкой – ночевал в доме исключительно зимой, и то далеко не всегда. Тихоня, как же!..

Кот явно считал весь поселок своей законной вотчиной. Со всеми обитавшими здесь птичками, мышками, да и кошками. Причем шкодлив не был, шастанье по чужим садам с сараями ограничивал санитарной функцией: избавлял от мышей, крыс и кротов всю округу, за что был любим и регулярно подкармливался всеми соседями.

Особенно отличалась в этом ближняя – крепкая в бюсте широкобедрая черноглазая мадам позднебальзаковского возраста, представившаяся при первой встрече «просто Аня» и не раз дававшая понять новоселу: она не прочь приютить-приласкать как его Тишеньку, так и его самого.

Та встреча вышла стихийно-драматичной. Он с месяц как вселился в выстроенный век назад ветхий с виду, но на по-

верку крепкий каменный домик с запущенным садом. Ночью налетел короткий, прямо-таки ураганный шквал, и одной из его жертв пала высокая старая груша в соседском саду. Падая, дерево повредило и крышу дома, и беседку, и ворота. При всем нежелании принимать участие в местных делах – пришлось.

Помог выкорчевать и разделить на дровишки плотное, вязкое дерево. Выправил и укрепил столбики ворот, заново навесил створки. На крышу не полез, сославшись на боязнь высоты. А соседка, с аппетитом разглядывая сухопарого жилистого умельца, поведала трогательную историю: дескать, груша эта – старейшая на всем побережье. Вот стояла чуть не век – да и не вынесла, упала под натиском стихии. Трудно быть одной... и женщине, как бы ни стремилась к свободе, независимости, а в одиночку бурь не перенести, хочется прислониться к сильному плечу.

С тех пор периодически случалось подсобить ей чисто по-мужски – с доставкой товара на рынок, мелким столярным или электрическим ремонтом. Откровенно любуясь его сильными руками, она томно вздыхала, заглядывала в глаза. Жаловалась на одиночество. Из родни, мол, остался племянник, да и тот появляется нечасто: молодой, невнимательный, весь в делах. Предлагала «посидеть, угоститься домашним», но, к счастью, не слишком настойчиво.

Определенные графиком дежурства в аэроклубе особо не обременяли – напротив, были своего рода стимулятором

поддерживать жизненный тонус, форму. Бриться, наконец, да и за одежкой следить. И, когда после реорганизации системы охраны ему дали понять: в услугах банального сторожа, пусть и непьющего, более не нуждаются, немного расстроился.

Надо было куда-то девать освободившееся время. Кстати оказалась распродажа фондов районной библиотеки, ликвидированной за ненадобностью. Скупил по символической цене едва не половину книг, многие из которых за полвека и не раскрывали. Пришлось соорудить стеллажи, не одну неделю убить на систематизацию, расстановку. Зато обеспечил себе гарантированное занятие на долгие зимние вечера.

Деньги... Сколько человеку нужно денег? Пахучая заначка мало-помалу таяла, и порой хотелось, чтоб не стало их, проклятых, наконец, совсем. А что? Прожил бы, легко. Кстати, фруктово-овощной сезон всегда давал возможность худо-бедно подзаработать. Кому помочь с уборкой, кому с перевозкой. Прицеп к «Ниве» есть – что ж, ржаветь ему просто так? Рублик, полрублика – вот и подспорье.

Сам не торговал, но деревца-грядки есть, можно и этим заняться. Учитывая возможность такой перспективы, навел и поддерживал в хозяйстве по-армейски образцовый порядок. А пока урожай по сути раздавал, довольствуясь минимальной платой либо словесной благодарностью, «чтоб не пропадало», ибо самому съесть было не под силу.

Из запасов, учтя пожелания все той же Ани, ставил в год

лишь по бочонку вина. Делал по науке, предварительно изучив вопрос, специально обзавелся нужной книжкой. Вырыл погреб, на что в каменистом местном грунте ушло немало трудов. Попробовать так и не собрался, решив – пусть постоит лет пять, созреет.

В начале августа, когда в саду появляются первые пожелтевшие листья и делать особо нечего, вдруг пришла мысль: а с чего это ты, брат, решил, будто всё всегда так и будет – тихо и спокойно?

И еще: раз уж лежит под шкафом-полом смазанный и заряженный пистолет, пусть и маломощный, спортивный, не обновить ли навыки пользования оружием? А то ведь забыл, наверное, почти все... Патронов вполне достаточно – покупая произведенный в Туле полвека назад, но «не стреляный», по утверждению жуковатого на вид продавца, «МЦ» с дулом максимальной длины, задал вопрос и получил в довесок две сотни «маслят».

Методику тренировок придумал и воплотил сам. Мишень с пронумерованными кругами делать не стал. Зачем круги?.. Зарабатывать очки и медали не собирался... Важнее попасть в цель вполне определенного размера, с человеческую голову. Подходящей оказалась пластиковая бутылка емкостью в пять литров, на ней и остановился. Таких одноразовых «мишеней» здесь было не счесть, от полулитра до десяти. Пройдись по берегу – за час десятка два подберешь. Гадят, гадят люди.

Отплывал подальше, чтобы с берега не было видно, чем занимается человек в лодке (рыбу ловит, чем же еще?), и приступал. Бутыль надевалась на один конец трехметрового удилища, к другому подвешивал булыжник, посередине – пенопластовый кружок. Вот и готова «ростовая мишень», почти вертикально стоящая в море. Только очень худенькая. Туловища нет, одна голова. То, что надо.

Даже в штиль цель никогда не бывала полностью неподвижной. И лодка непрерывно покачивалась, поэтому попасть первый раз удалось не сразу. Второй тоже, и всего примерно с десяти метров! К своему стыду бывший прапорщик, он же техник, осознал: время, когда на зависть солдатам, а также большинству коллег в погонах с разнокалиберными звездочками валил мишени одну за другой и занимал призовые места на окружных первенствах по стрельбе из «Калашникова», «Макарова» и кое-чего еще, безвозвратно прошло. Учиться приходилось заново.

К середине второй сотни патронов удалось практически восстановить былые навыки, пойти в тир теперь было бы не стыдно. Но – незачем. Подумав, решил слегка модернизировать маленькие, почти игрушечные пульки. В десятке просверлил крест-накрест поперечные каналы, плотно вогнал стальные стерженьки, запаял, зашлифовал-загладил до неощутимости краев.

Прикинув возможные последствия, опробовал на тыкве из собственного огорода. Нашел засохшую дикую алычу на

склоне оврага в получасе ходьбы от окраины, убедился: вокруг – никого. И, уже подвешивая тяжелую «кустовку» за хвостик к стволу, зачем-то неразлучным швейцарским ножиком нацарапал на желтом боку два глаза, нос пяточком, поднятые «домиком» бровки, круглый ротик... Получилось до смешного похоже на рожу давешнего знакомца, приснопамятного Петровича. «Анискина».

С удивлением осознав сей факт, пожал плечами, но не сдирать же, в самом деле. Отошел на два десятка шагов, зарядил одним обычным патроном, пальнул. Тыква дернулась. Стало быть, попал. Сходил, рассмотрел. Чуть ниже левого «глаза» обнаружилась аккуратная дырочка, напротив, на задней поверхности «головы» – такая же.

Еще раз огляделся, вернулся на «огневой рубеж», вложил на этот раз свой снаряд, выстрелил. Тыква снова послушно вздрогнула. Второе входное отверстие располагалось прямо на «носу». А вот выходного не было. Точнее, не было «затылка» – заднюю часть несчастного овоща разнесло вдребезги.

Снявши голову, по волосам не плачут. Значит, если голова осталась, а сняли волосы, то и вовсе горевать не о чем? Легко сказать. Вообще-то, волосы – ороговевшие эпителиальные образования, своего рода кожные придатки, и никакой особенной ценности для человеческого организма не представляют.

У животных – другое дело. Там и название, и функ-

ция волосяного покрова несколько иные. Название, понятно, шерсть. А функция – в первую очередь защитная. Хорошая, густая и пышная шуба зверю просто жизненно важна и, соответственно, необходима. Утепление, ясно. Еще – маскировка, да просто красота, наконец. По природным понятиям, шерсть – своего рода индикатор звериного здоровья.

Если лоснится, лежит ровно, не линяет вне сезона и не лезет клочьями, то и обладатель такой шкуры или, по-овечьему, руна, тоже здоров, бодр и весел. Заставь, скажем, кошку-собачку поголодать или покорми какой-нибудь неподходящей дрянью – на ее «одежке» такое безобразие тут же отразится. Потеряется блеск, пушистость, полезут клочья, колтуны всякие... А если ее, горемычную, вообще остричь наголо?

Иногда, правда, исходя из особенностей породы, стричь так приходится. Персидских, например. У них, специально выведенных, без этого никак. Жена Людмила в своей рыжей персиянке Сонечке души не чаёт, следит за регулярностью косметических процедур любимицы, парикмахера специального на дом приглашает. «Грумер» называется.

По зову приходит барышня со специальной машинкой, и начинается. Бедная кошка орет, вырывается. На нее надевают специальный ошейник-раструб, лапки увязывают скотчем, иначе искусаёт, порвет когтями. А Сергею Петровичу приходится держать то голову, то хвост, то все остальное, помогая мастеру избавлять малышку от излишней пушной

роскоши.

Но ведь то – от лишней, и всего три раза в год. Мученица, пережив унижительную процедуру, становится просто другим существом. Первое время даже прячется от хозяйки, будто стыдясь своей наготы, а на ночь обязательно приходит к нему, хозяину, забирается под одеяло. Дрожит вся, жметя к его жирному теплому боку, пока не согреется. Недели две-три так, даже летом, когда, казалось бы, должна испытывать законное облегчение, приятную прохладу.

Если кошке так противно, почему, к примеру, овечкам-барашкам должно быть по-другому? И прочим живым поставщикам сырья для шерстяной промышленности?.. или как там называется эта отрасль животноводства. Ламы, яки, верблюды разные... Страдальцы, иначе не скажешь.

Примерно такие мысли посещали бывшего участкового с завидной регулярностью. Хотя – какой на фиг завидной? Чему тут завидовать! Третий вторник каждого месяца был для него абсолютно черным днем. Как некогда песенным дикарям-папуасам хотелось отменить понедельник, Петрович с радостью убрал бы из календаря ненавистный вторник.

Да только ничего бы не изменилось. Пропади хоть все вторники – наглый, улыбчивый, лощеный подлец с погонами теперь уже майора станет являться по средам, и весь сказ. А после его визитов меховому бизнесмену становилось зябко, как наголо остриженной кошке, и хотелось спрятаться, забиться куда-нибудь в уголок потеплее и выть от бессиль-

ной злобы.

Но ни зубы, ни когти бывший мент менту нынешнему за четыре года регулярной «стрижки» не показал ни разу. Десять процентов – это много или мало? Казалось бы, всего десять. А за год – выходит все сто двадцать! Часть к части – больше целого, вот такой парадокс. А ведь это – деньги... Деньги, которые любят счет и лишними не бывают. И не пахнут. Те, с душком, давно разошлись.

Сейф, после ухода в чужие руки последней меченой мерзким зверем купюры, он хорошенько обработал марганцовкой, положил внутрь специальную отдушку. И все равно время от времени казалось, будто вонь вернулась. А может, в процессе хождения по рукам ТЕ денежки возвращались? Ну да ладно. Сегодня решение наконец оформилось и было принято окончательно. Созрело.

А кроме прочего, к поиску выхода подвигло еще и сновидение. Жуткое, мрачное, непостижимое. Как и вообразить-то такое? Ничего себе, «опыт пережитого»!

Он движется, бредет в густой толпе себе подобных. Но это не толпа, а скорее стадо. Гурт. Еще вернее – отара. Потому как, подобно всем прочим в оной компании, он – баран. Да-да, натуральный, а к тому еще и рогатый, черт возьми! Обросший свалявшейся, неопрятной, ни разу в жизни не мытой шерстью.

Их загоняют в бревенчатые ворота и распихивают по стой-

лам здоровенные длинноногие, почему-то двуногие козлы. И его вталкивают в персональную, для него предназначенную тесную загородку. Вокруг слышится скрежет, щелканье многочисленных ржавых ножниц, с косматых собратьев сыплется клочья, странно схожие с денежными знаками различного номинала.

Он уже готов стоять смиренно, ожидая неизбежного сдирания родного, теплого покрывала. И тут замечает: отведенное ему стойло не такое, как у всех. Его толкают к перегородке, где прорезана дыра как раз по размеру несчастной рогатой (увы, увы!) башки. А над вырезом висит сверкающее, остро отточенное косое лезвие!

И стоит сунуться – секира с лязгом сорвется, сочно хряснет разрубленная шея, хлынет кровь. Голова покатится, нелепо выпучив тупые скотины очи и обнажив желтые от никотина зубы. Почему желтые? И почему от никотина?! Разве бараны курят?.. Амба! Приплыли. Изо всех сил упершись копытами в скользкий и зловонный соломенно-навозный пол, он рванулся и заорал. Или заблеял? «Бэ-э- э-э!...»

Проснувшись в холодном поту от собственного хриплого вскрика, долго лежал без сна. Посмотрел на часы – всего половина третьего. Окапало холодом, даже под модным «бамбуковым» одеялом. Он поднялся, подошел к окну, закурил. Вредная привычка вернулась как бы сама собой, как только бизнес пошел в гору и появились «месячные». Вот уж иначе

не скажешь. Кровопускания, блин...

Жены рядом нет. Третий год спят врозь. Да и днем общаются нечасто.

Вскоре после первой поездки на закордонный семинар по кожно-меховому бизнесу супруга возжелала ночевать раздельно. Догадывался, почему. Не зря увидел себя во сне с заслуженным парным украшением на голове. Что интересно, автор сего произведения адюльтерного искусства был мужу отлично известен. Да-да, именно этот, злой гений. Анискин-второй, будь он трижды неладен.

Какое-то время он, уже практически убедившись: стал не одинок в доступе к постели и телу жены, не верил. Старался убедить себя – нет, не может быть! Ну, она – понятно, муженек намного старше, жирен, одышлив, плешив и так далее. Ничего удивительного, если потянет на свеженькое время от времени.

Снес бы молча, поскрипел зубами и успокоился. Тем более, сам особого рвения в исполнении супружеского долга давненько не проявлял. Если бы не с этим, гаденышем... змеем подколодным, тварью последней. Ну, а ему, ему что, молодых прошмандовок мало?! На кой ему баба-сороковка, пусть и холеная, ухоженная?

А понятно, на кой. Уесть его, барана, окончательно. Принизить, раздавить.

И ведь удалось, надо признать. Почти. Забыл, забыл ново-явленный хозяин городского стада-отары: даже мелочь вро-

де овечки, коли загнать в угол, может взбрыкнуть. А он-то не овечка, оперу ли не знать. Пусть не лев и даже не волк, но как минимум крыса. Она – bestия хитрая, злобная и при необходимости вполне способна тому же псу горло перегрызть. Так-то, парень...

Молодец-удалец... По должности далеко не второй, даже не третий мундир в городе, а по охвату, влиянию чуть ли не первый. И все-таки надо бы и честь знать! Ага, честь... Какая у него, мерзавца продажного, честь? Ладошку к фуражке пару раз в день – вот и вся его честь. Но поднялся, сучий потрох, изрядно, ничего не скажешь.

О секрете стремительного восхождения своего «тезки» Анискин-первый догадывался. Тот, в отличие от него самого, никогда и никому не давшего ни крошки из перепадавших поборов и подношений, делиться умел. И делал это с хорошо рассчитанной щедростью.

Подкармливал налоговиков и дорожников (тоже, ясное дело, своего не упускавших), сыскных и кадровиков. А главное – начальство. Молодой да ранний слуга закона провозгласил и свято следовал принципу «чем больше наверх закинешь, тем больше оттуда перепадет». Польза означенного подхода не заставила себя ждать. Начинал вроде обычным участковым, пусть и пронырливым, беспринципным, а видишь, чего достиг!

Ладно-ладно, посмотрим, кто будет в нашей пьесе последним ржать-хохотать... Что ж, вот и подошло время вернуть

на сцену одного актера. Устроить гастроль.

Так тому и быть. Местных к делу привлекать нельзя, ни в коем случае. На них не то что положиться – на грош поверить себе дороже. Сдадут-продадут, да не органам, а тому, против кого требуется сыграть. Все, все под ним. Почитай целиком местный криминалитет подмял. Как ушлый обира-ла смог такого добиться – просто уму непостижимо! Вероятно, применял тот же принцип, слегка видоизменив сообразно «субстрату».

Конечно, кое-кто из братвы еще шустрит по-мелкому, но все объекты покрупнее – на откупе у нынешнего зама начальничка городского управления. Даже «смотрящий» авторитет, и тот, похоже, ему в рот смотрит. Значит, здешние мокрушники отпадают, однозначно. И вообще вся уголовная шушера. Как же быть? А вот теперь известно, как.

Общаясь с самыми разными людьми, людишками и человечками, Петрович ничего не забывал, все мотал на ус. И как-то попалась рыбка. Один из понемногу спивающихся отставников, устраиваясь охранником к нему на расширившийся меховой склад, сообщил интересный фактик.

В числе бывших сослуживцев алкаш отметил того самого енотолобца, с ныне окончательно ликвидированной базы. Казалось бы, и что? А то! Шутливая кличка-прозвище сего деятеля в ту пору оказалась не иначе как «Робин Гуд». И навесили ему иноземный ярлык вовсе не за благородство вкупе со щедростью к неимущим. Он, как выяснилось, был совер-

шенно уникальным мастером владения современными аналогами лука или арбалета – чему там был обязан своей славой средневековый бандит? Короче, мог выбить сто из ста очков как по стоячей-висячей, так и по движущейся мишене.

Вот те раз! Не было ни шиша, и вдруг – червонец! Неважно, что бывший прапор, скорее всего, давно не применял давешние навыки на деле. Такое не забывается. Это – как езда на велике – раз научившись, не разучишься. Значит, командировки не избежать. Придется, разумеется, предварительно навести справки, аккуратненько уточнить, там ли по-прежнему обитает нужный персонаж, да и одну старую (кстати, совсем еще и не старую) знакомую посетить. Письмецо с нее взять, типа рекомендации, ага.

Судя по прошлой реакции, этот живчик ее так и не забыл. Она – его слабое место. Больное. А больное место – оно как раз для того и существует, чтоб по нему ударить. Ну, не всерьез, дабы не перегнуть ненароком палку, так, потрогать, подцепить... Бизнес кроме прочего обязывает кое-чему учиться. Блефовать, например. Что ж, до встречи, Паша-Павлуша!

Снова теплый тихий вечер, и снова стук в дверь. Незваный гость, как и в прошлый раз, вошел уверенно, глянул на поднявшегося навстречу обитателя жилища спокойно и открыто.

– У тебя, Васильич, я гляжу, даже крючка на двери не имеется. Не опасаясь, видать, никого? Вот и правильно, сразу понятно – не от кого и нечего скрывать, – приезжий, как у себя дома, шагнул к столу, протянул руку. Убедившись – пожимать ее не спешат, зачем-то посмотрел на ладонь, вытер ее о брюки, – Чаевничаешь, почитываешь. Ого, Маркс?!.. А-а, Маркес... За книжки взялся, поди, от скуки? Ну, это дело поправимое. Я, не поверишь, хочу тебя чуток расшевелить. Развеселить, ага.

– Здравствовать по-прежнему не желаешь. Ну, и я тебе рад примерно так же, – оторванный от приятного времяпрепровождения читатель поморщился, не скрывая досады, – Давай, Сергей свет Петрович, не темни. Ты ведь, если я правильно помню, обещал при жизни мне больше глаза не мозолить? Или вконец поиздержался? По виду вроде не скажешь. И стволом не тычешь, как в былые времена. Может, нет при себе? Извини, не верю.

– Зря. Я ведь человек занятой, время берегу. Поэтому по рельсам-асфальтам телепаться некогда, а в аэроплан с пушкой не возьмут. Хочешь – на, обыщи!.. Только она нам в нынешней беседе ни к чему. Угрожать не собираюсь. И денег просить. Своих хватает. Вот, письмецо тебе принес... Интересуешься, от кого? Или понял уже? Вижу, понял – ишь, насупился... Держи, танцевать не надо, – толстяк порылся под модным пиджаком, достал и протянул заклеенный конверт, – Я тут посижу, пока почитаешь, а то потом, может, и

не пропустишь старика! Она, кстати, с мужичком своим вроде в разладе, так что...

Поздний посетитель грузно опустился на жалобно скрипнувший стул и, пробуждая в хозяине ненужные воспоминания, утер лоб просторным клетчатым платком. Прошедшие годы он явно потратил не зря, в смысле питания. И раньше весьма и весьма полный, теперь вполне сгодился бы в борцы-любители стиля сумо.

«Со мной и доченькой все в порядке. Он обещал, не тронет, если ты (строка густо зачеркнута) поведешь себя нормально. Я сама ни за что не стала бы тебя ни о чем просить, но (опять замазано) Света главное всего. Прости меня, если можешь. Сделай, чего ему надо. Павлуша, я, как только смогу, уеду, он нас больше не найдет. Прости».

Вроде все понятно. Резануло глаз единственное. Никогда, ни разу она, даже в самые-самые минуты, не называла его так. Значит, в письме – ложь. Ничего там не в порядке.

– Так чего тебе надо на этот раз? Забирай, что осталось, и катись к чертям собачьим!

– Ну, зачем ты так? Не выслушал, а грубишь... Мы ж, хоть и не друзья, но считай товарищи. Кой-чем повязаны, не забыл? – гость снова промокнул обильный пот, – Ты присядь, разговор не минутный.

Помолчав и собравшись с мыслями, «считай товарищ» продолжил, упершись локтями в стол, будто опасаясь за судьбу поскрипывающего под его тушей стула.

– Завелся у нас в городке один оч-чень вредный овощ, погорше хрена с редькой вместе взятых. Все грядки изгадил. Сорняк, одно слово. И по всему выходит, полоть придется тебе, Пашенька – местным огородникам доверия нету. Я о тебе много чего разузнал, мои ментовские способности, брат, никуда не делись. Знаю вот – ты можешь запросто из любого ствола фуражку с вешалки на километре сбить... Или соврали добрые люди?.. Ага, опять хмуришься. Правда, Васильич – сильная вещь!

– Когда то было! Я сколько лет оружия в руки не брал, да и глаза не те давно...

– Не прибедняйся, Робин ты мой Гуд! Читаешь без очков, рулишь – вон, машинка во дворе... И не бойсь, кровью мараться не придется. С полусотни сажений в колесо попасть – всего и делов. Он, скотина, твою бывшую базу выкупил, домище себе отгрохал – будь здоров! И по воскресеньям там ночует. Один. А в понедельник утречком, ровно в семь тридцать пять, по новопостроенной дорожке через мост переезжает. Помнишь, ручеек там течет? Бережки, ясное дело, сровняли, но спуск-подъем все же имеется. И катит наш сучонок по мостику не более шестидесяти кэмэ в час.

Отставной мент утерся, доверительно понизил голос.

– Я все предусмотрел, схрон для тебя уже готов. Винтарь там будет дожидаться, надежный, с оптикой... Один раз пальнешь, по переднему колесу. Он и навернется. Не размажется, так косточки свои поганые переломает... глядишь,

потихише станет. А то уж совсем житья от него нет никому, – платок опять пошел в ход, глаза на пухлой физиономии стали, казалось, еще круглее, – Выручай, Павлуша!

– Ага. А сразу после выстрела меня прямо там и повяжут, тепленького. И – пожизненно.

– Да ты что! Ты ж молчать не станешь, меня за собой потянешь на веревочке, как барана, – гость вдруг поперхнулся, закашлялся, схватил протянутую хозяином кружку с остывшим чаем, отпил, вздохнул – Спасибо, мил человек. Так и сдохнуть можно, ей-богу! А я, уж будь уверен, в долгу не останусь. Не в моей это привычке, слово офицера!

– И чем же рассчитаешься? В живых оставишь? Только про Дарью больше не надо, не мельтеши.

– Ей и сейчас ничего не грозит, – но глазки на потной физиономии подозрительно мигнули, – А расчет такой: все у тебя взятое верну назад, притом не вонючими, а обычными, из банка. Плюс десять процентов... – толстяк снова чуть не закашлялся, поправился, – Нет, двадцать, как с куста!

– Умеешь ты уговаривать... Так что ж он – ни жены, ни детей? Сиротинушка?

– Есть у него законная, да все больше чужих предпочитает, коз-зел! Но это к делу не относится, – в глазах говоруна что-то мелькнуло, и собеседнику стало ясно – относится, ох, относится!

Убедившись в отсутствии принципиальных возражений, бывший участковый перешел к деталям.

– Карту читать не разучился? – с видом многоопытного полководца поинтересовался он, разворачивая крупномасштабный лист, – Местность знакомая. База, дорога, мост. Крестик – твой типа окоп. Стволик найдешь под хвостом. Вот аванс, пара штук. На проезд, лучше самолетом, гостиницу и прочее. Дело – в будущий понедельник, шестнадцатого. Третий в сентябре, – оратор поморщился, встал, положил на стол коробочку, – Дарю мобилу. Звонить никому не надо. Если все по плану, в шесть утра получишь эсэмэску: «жду». Не придет – всё отменяется, аванс возврату не подлежит, от тебя ничего не надо. Клянусь, тогда ты больше меня не увидишь. Кстати, имей в виду: выстрел один. Попадешь – хорошо, не попадешь... Ну, Бог тебе тогда судья. Моя забота – предупредить. Так что уж ты не мажь, мы очень просим. Все втроем.

Визитер, будто боясь: хозяин передумает, буквально кинулся к двери, пропал. В стиле современных джентльменов: пришел по-русски, не здороваясь, ушел по-английски, не прощаясь.

После него, против ожидания, остался не потный дух, а вполне приличный аромат дорогого, наверняка французского одеколona. Тем не менее приморский житель долго и тщательно проветривал жилище, даже зажег ароматную сандаловую палочку. А для верности оставил на ночь окна открытыми настежь.

Самолетом, ну-ну... То бишь заведомо безоружным? Насколько, выкуси!

Поехал поездом, причем не прямым, отведя на дорогу все оставшиеся до воскресенья дни. Зато проверил, нет ли «хвоста», посмеиваясь над собой – тоже, шпион выискался. Потом решил – все правильно, он-то, в отличие от Петровича, не располагает возможностями да и навыками слежки, тайного выведывания, вынюхивания и тому подобное. Поэтому лучше подстраховаться, побывать на месте будущей баталии заранее.

В свою старую избушку не пошел. Издалека убедился – там вроде все в сохранности, как и оставлял. Сад, конечно, подзапустился, однако соседи, учитывая бесхозность урожая, видимо, наведываются – полного зарастания стежек-дорожек не наблюдается. Забор клонится, крыша баньки обомшела. Грустно.

От Кешинной коробки, кроме кирпичика, ничего не осталось. Где его носит? Скорее всего, уже в заоблачных лесах-кущах. М-да, пожалуй, стоит еще раз уточнить у дочки с зятем: не будут пользоваться – продам за сколько дадут, в крайнем случае отдам «в хорошие руки». Всё не на развал-гниение.

По странному совпадению место засады оказалось недалеко от той тропки, где вынимал из петли бедолагу-енота. «Огневой рубеж» был выбран на удивление грамотно – на переломе некрутого подъема, за достаточно плотным кустом. Как

раз так, чтобы стрелка не увидели с дороги, а новый узкий асфальт – как на ладони.

Да, до моста и предполагаемой цели не более полусотни метров. Промахнуться трудно. Ну, чему быть, того не миновать.

Гостиницу счел излишней роскошью. Устроился в лесу, благо с собой имелся невесомый, но вполне теплый спальник (спасибо китайцам, разных походных принадлежностей повывезли с избытком). Купил, его, пересаживаясь со столичного поезда на местную электричку. Заодно прихватил нитяные «рабочие» перчатки, несколько полиэтиленовых пакетов в качестве чехлов для обуви – так, на всякий случай, Алмаз-то, вполне возможно, еще на службе – и полулитровый термос. Пригодится, горячим подкрепиться.

В понедельник, ровно в шесть, его разбудил двойной писк. На дисплее сотового подарка высветилось: «Жду».

Часть четвертая

ЕНОТ, ДА НЕ ТОТ

Как все же прихотливы бывают повороты судьбы! Скажи кто, ни в жизнь не поверил бы в подобное совпадение. И спал-то чутко, что называется, вполглаза, а проморгал-проворонил ночного воришку. Поэтому наутро пришлось обойтись несколькими глотками кофе, сохранившего достаточно тепла.

А вот пары припасенных бутербродов с колбаской – как не бывало. Сперли! Чьи-то чуткие пальчики добыли вкусно пахнущий сверток из-под клапана рюкзака, помещавшегося в ногах беспечно прикорнувшего у берез и сосен бродяги. Ну, чьи-чьи... ежу ясно, чьи. Не сам Иннокентий, так наверняка кто-то из его мохнатых сородичей, а может, и прямых потомков постарался.

Оставленный в дураках покрутил головой, удивляясь ловкости «багдадского вора». Большого огорчения потеря не вызвала, скорее нечто сродни восхищению. Если быть до конца честным – стал бы шуметь-пугать ночного ловчилу, если б заметил? Пожалуй, нет. Пусть ест с аппетитом.

Получился турист без завтрака. Не бежать же за пять с лишним верст в окраинный универсам, где намедни вечером

затоварился провизией на перекус и кофейком в придачу. Времени, да и охоты нет. Так ведь сия торговая точка, вероятнее всего, еще закрыта – надписи «круглосуточно» на вывеске, насколько помнилось, не было. Ну да ладно. Голодный воин – злой воин. Злость в нашем деле не помеха, скорей подмога.

Без пяти семь прибыл на «позицию». Стараясь не слишком шуметь, прошелся по ближнему ландшафту, огляделся. Пусто-голо-тихо. А под ворохом хвороста – знакомый предмет, заботливо укутанный в брезент с масляными пятнами, что с учетом выпавшей за ночь обильной росы оказалось совсем не лишним. Стало быть, Петрович уже побывал здесь. Когда успел?.. Ай да жирюга! Видать, здорово-таки допек его намеченный в жертвы дорожного происшествия типчик.

План действий сложился еще накануне. Симоновский карабин со стандартным армейским оптическим прицелом плотно лег к плечу. И набалдашник-глушитель имеется, очень даже неплохо. В оптику мост и дорога показались совсем рядом – пальцем потрогать можно.

Подстроил, слегка вращая диоптрийное кольцо и добившись абсолютной четкости «картинки». А вот боезапаса негусто, патрон всего один. Скупость говорит сама за себя: наниматель вскоре заявится. И боится – избыток будет использован против него. В общем, правильно.

При разглядывании через линзу моста и кустов на противоположном склоне вспомнились подробности недавнего

разговора. Тогда, услышав про «надежную, с оптикой», винтовку, он захотел прояснить некоторые детали.

– У тебя, никак, целый арсенал? Откуда? Неужто и базука имеется?

– Откуда, откуда... От верблюда! Ты вон тягал со своей базы все подряд. А я что, рыжий? Я – со своей, – и бывший участковый довольно складно пропел на мотив милицейского гимна: – «Наша служба и опасна, и трудна, но бывает и полезною она...»

«Службист» очередной раз воспользовался платком, отпил из хозяйской кружки.

– Базуки, положим, не имеется, а вот «Муха» найдется, и гранатки к ней... Короче, не твое дело. Что надо, то и есть.

– А почему бы тогда самому не... это самое – залечь, пальнуть? Раз есть все нужное?

– Да не попаду я, блин! Я такую штуковину отродясь в руках не держал! Ну, то есть, не пользовался. Как подумаю – уже мандраж берет. Да и глазенки мне дальше затвора не сфокусировать! Погляди на меня – какой я стрелок? Мое пузо и сесть нормально не дает, а ты – залечь!

– А который на базе дворец построил – он кто? Может, не надо сразу так... радикально?

– Поучи меня, поучи! Если б можно было по-другому, разве стал бы я этикие комбинации закручивать? А знать его тебе ни к чему. Ты там никаким боком, и до тебя никому ничего. Меньше знаешь – крепче спишь!

Сейчас, застилая «окоп» спальником (была охота мокнуть в росе!) и устраиваясь поудобнее, подумал еще об одном: а ну как Петрович в этот самый момент полеживает себе на пузе за одним из во-он тех кустиков и, хихикая, наблюдает его возню через мощную оптику какой-нибудь «Драгунки»? Или еще чего покруче? С него станется! И как только нажмешь на курок, визави сделает то же самое. А при необходимости повторит. Себе, небось, патрончиков не пожалеет.

И ку-ку! Привет родным, пишите письма, а лучше эпитафии. В сказочку о «мандраже» и «глазёнках» как-то не верилось. Тем паче, во время обоих визитов пузоносец обходился без очков. Значит, если у него со зрением и непорядок, то стеклышки нужны при чтении-письме. А вдаль – все видит. Впрочем, как знать. Сводить бы его, хитреца, к окулисту!

Тревожная мысль как пришла, так и ушла. Да, после крутых бандитских разборок в лихие девяностые, когда «братки» вооружались на зависть любому спецназу и пачками валяли друг друга без разбору из всего стреляющего, наверняка множество самого разного железа перекочевало в гаражи-подвалы таких вот служивых. Но ликвидировать наймита сразу, не узнав, каков результат, заказчик не станет. Да и вообще, он, скорее всего, подкатит через пару минут после «происшествия», взглянуть на размазанного обидчика. А тут ему – небольшой сюрприз.

Интересно будет посмотреть, как участник ДТП обрадуется при виде подъезжающего Петровича. Вполне вероятно,

последует вопрос: «А по какой такой нужде Вы, милейший, оказались туточки в такую рань? И сделайте милость, поясните, с чего это вдруг мое вполне нормальное колесо взяло да и лопнуло? Прямо на ровном месте?» А у того глазки-пуговки на лоб вылезут: «Я – не я, и хата не моя... Вот, случайно проезжал... Не спится, знаете ли. Может, помочь чем-нибудь? Колесико, скажем, поменять, сопли вытереть...»

Эх, зря не взял с собой бинокль, такое шоу пропадет! Ладно, за неимением мест в партере обойдемся балконом. Зритель, примеряя роль режиссера, фантазировал и предвкушал комическую сцену. И чуть не пропустил открытие занавеса.

Полчаса пролетели как одна минута. Точно в указанное бывшим участковым время донесся еле слышный звук мотора. Он, с комфортом примостившись за кустом, отчетливо видел в прицел приближающийся автомобиль. Взяв «на мушку» нужную точку чуть впереди намеченного колеса, плавно потянул спуск. В плечо слегка толкнуло. Правая задняя (какая же еще?.. он в убийцы не подряжался!) шина мгновенно осела, от ударившего по наждаку дороги диска брызнули искры.

Разрыв переднего колеса на скорости свыше сорока километров в час чрезвычайно опасен. Машина споткнется, полетит кувырком... За жизнь водителя и прочих, кто внутри, особенно не пристегнутых (а кто пристегивается на «своей» дороге?), не дадут и копейки.

Заднее – совсем другое дело. Хотя, окажись на месте

подбитого авто какой-нибудь легкий «японец-кореец» или «француз», все и так могло выйти гораздо хуже. А солидный «Мерин», охромев на одну ногу, имел все шансы остаться на дороге, будь она хоть немного шире. Конечно, и от шофера в таких случаях зависит многое. Этот не удержался, тормознул резче, чем следовало. Резина недовольно завизжала, сверкающий черный седан повело в сторону, вынесло на обочину сразу за мостом.

Обочина, к сожалению, подвела. Дорогу строили, очевидно, полулегально, и плотного, надежного края не сделали. Машина, пропахав рыхлый щебень, скатилась в кювет и опрокинулась, легла на крышу. Двигатель, естественно, заглух, поэтому пожара-взрыва, как в кинобоевиках, не случилось.

Авария есть авария, приятного мало, переверот и подавно. После таких кульбитов пострадавшую «ласточку» восстановить бывает непросто – чем латать да чинить, дешевле новую купить.

Впрочем, ожидать «размазывания» и «ломания косточек», пожалуй, не стоило. «Мерседес» – не «Запорожец». Кузов сам по себе прочный с запасом, подушки-подголовники... Водитель, поневоле попавший в каскадеры, наверняка отделается поцарапанной мордой да мокрыми штанами.

Стрелок перевел дух и, привстав, готовился созерцать эвакуацию ошеломленного экипажа под аккомпанемент нецензурных проявлений чувств. И тут... под мостом воз-

никло неясное шевеление, и от бетонной опоры отделился сторбленный, но вполне узнаваемый силуэт. Вот это да! Так он, оказывается, все время там и дежурил?! Ну, дает!

С неожиданной для тяжеловесной комплекции прытью Петрович, напоминающий в черно-пятнистом мешковатом одеянии скорее не увальня-сумоиста, а непомерно разъевшего тарантула, в считанные секунды оказался возле поверженной колесницы.

Донеслись два приглушенных хлопка, не оставлявших сомнения – ехавший в машине виновник бед и страданий местного бизнеса отныне станет потише. Куда уж... Тише мертвецов, как известно, может быть только сама тишина... Сделав дело, толстяк повернулся в сторону уже стоявшего, глупо разинув рот, «наемника», приветливо помахал рукой и едва не вприпрыжку направился к нему.

– Рад, рад видеть! Молодец, работал на совесть. Только почему ж ты заднее продырявил? Договаривались вроде по-другому. Видать, забыл все-таки, чему учили в школе! Взял, небось, без упреждения, вот пуля-дура и пошла не туда...

Ухмыляясь и гримасничая, раскрасневшийся пузан приближался, как-то странно дергаясь, припадая то на одну, то на другую ногу и пошатываясь, словно пьяный.

– Вечно у нас так, никому ничего нельзя поручить! Все приходится самому. Ну, мне не привыкать, подчищу, – двигаясь зигзагами, «поручитель» убеждающе покивал, – О девках своих не переживай, они давно дома, Христом-богом

клянусь! А должок вот сей момент и отдам, чес-слово. Как условились, за мной не заржавеет...

Наблюдая за его рывками и ужимками, отставник внезапно осознал: ага, вот в чем дело! Бизнесмен-убийца не иначе начитался книжки про военные приключения бойцов «СМЕРШа» в августе далекого сорок четвертого³. И теперь пытается, как ему кажется, делать движения, названные воспевшим бравых контрразведчиков писателем «качание маятника»!

При этом правую руку, в которой, несомненно, был вороненый «Глок», новоявленный «волкодав» держал за спиной, чтобы выполнивший свою часть уговора стрелок не догадался об уготованной ему участи. Подбираясь все ближе, палач-любитель странно шурился, и до предполагаемой жертвы дошло еще кое- что.

Восходящее солнце оказалось как раз за его спиной и через редеющие кроны положило на лицо идущего «подсветку», по терминологии того же шпионского опуса. А раз не уверен в своих способностях, стрелять надо наверняка, в упор. Тридцать метров... двадцать пять...

Продолжение спектакля, оно же финал, пошло не совсем по сценарию заказчика. Позволив кривляке еще немного подойти, турист-наемник опустился на одно колено.

«Анискин» от неожиданности такого покаянного жеста притормозил и воззрился на него с неприкрытым изумлени-

³ См. роман В.Богомолова «В августе сорок четвертого»

ем. Вполне возможно, решил – приговоренный собирается молить о пощаде. Его правая рука начала движение, вынося из-за спины оружие, минутой назад причинившее смерть.

Но в протянутой руке «Робин Гуда» оказался не белый флаг и не трубка мира. Ни о чем просить он, понятно, не помышлял. «С колена» – именно так удобнее всего было стрелять из лодки по пластиковым мишеням.

Да и клоунские припрыжки-качания по сравнению с непредсказуемостью волн в морском «тире» – сущий смех... Смеяться, правда, было некогда – его шли убивать. Он выстрелил дважды, без малейшего колебания и сожаления. Как по тыкве.

Малокалиберный пистолет не обладает «останавливающим» эффектом. Поэтому здоровяк успел сделать еще шаг и лишь потом завалился вперед, выставив на всеобщее обозрение безобразный кровавый провал в лысеющем затылке.

Что полагается победителю всех без исключения турниров и поединков с древности до наших дней? Приз, разумеется. И обшарить карманы сраженного в честной схватке врага – не мародерство, а законное право триумфатора. Брезгливость в подобных делах неуместна.

Перевернув упавшего, призер убедился: попал оба раза. Один – в рот. Эта пуля, выбив передний верхний зуб, придавала оскалу убитого какую-то беспечную мальчишескую щербатость. Другой – прямо под удивленно вытарашенным пра-

вым глазом. Судя по размерам дыры на выходе, дальше пули прошли вплотную. Непроизвольно отметив приличную кучность поражения цели, отстрелявшийся приступил к неприятной, но необходимой части дуэли.

В качестве трофеев, помимо очередного ситцевого платя, предлагались многочисленные ключи, среди них автомобильный, с баварским логотипом. Ясно – пешком такая туша сюда бы не добралась. Еще: старомодная записная книжка, бумажник (а денжат-то не так чтобы очень, зато банковских карточек – три штуки).

К тому – початая пачка «Парламента», зажигалка, содовая «труба», футляр с очками и паспорт в кожаной обложке. За обложкой отыскался билет «СВ» на сегодняшний поезд до столицы отправлением в девять пятнадцать и листок, по-видимому, вырванный из того же блокнота.

На бумажке значилось шестизначное число «семьсот семьдесят тысяч триста четырнадцать». Все, кроме билета, листка и блокнота, вернулось на свои места. До поезда полтора часа, можно успеть, хотя и не очень надо. А вот что действительно надо, так это избавиться от оружия и телефона. Елки-палки, лес густой, возьми железку на постой...

Подъезжая к вокзалу в набитом по случаю начала рабочей недели автобусе, нечистый на руку наемник заранее проклинал себя за любопытство, однажды уже сыгравшее с ним нехорошую шутку. «Ох, прищемят, прищемят когда-нибудь

твой без меры длинный нос» – пробормотал он, входя в зал автоматических камер хранения.

Ячеек под номером семьсот и более, как и следовало ожидать, здесь не было. Но семьдесят семь – вот она. Ноль – совсем не цифра, а буква «О». А остальное – число «пи». Странная любовь к математике. А может, просто день рождения – тридцать первое апреля?.. Да нет, в апреле – тридцать дней. Кодовый замок негромко щелкнул, открыв пыльному взору потертый саквояж совершенно затрапезного вида.

На нем тоже имелся замочек, который военный техник, запершись в туалетной кабинке, шутя взломал с помощью своего «швейцарца». Открывая портфель, он уже предполагал, что увидит внутри. Не считая, переложил тугие пачки в рюкзак, прихватил и шоколад. А дорожный несессер, сигареты, консервы, плоскую бутылку-фляжку с коньяком и пакет, на ощупь содержащий белье (и, разумеется, запасной безразмерный платок), оставил где были.

В лакированном футляре натуральной кожи кроме принадлежностей для мытья-бритья привлекло внимание нечто неожиданное. Интересная вещица. Новенький паспорт, содержащий фото старого знакомого, но с абсолютно иными фамилией, именем и отчеством. Информация к размышлению? А чего тут размышлять!.. Понятно: Петрович заранее подготовился к старту, и помешал лишь досадный случай. Унитазный слив беспощадно унес изорванный в клочки пас-

порт, а заодно и блокнот.

Запоздалую ознобную дрожь «солдат удачи» ощутил в привокзальном скверике, сидя на лавочке и удивляясь вывертам судеб людей, вещей и денег. Кто из древних философов первым предположил спиральное движение всего сущего?

Вставая, задвинул саквояж поглубже под скамью. Не пропадет. Оставалось еще кое-что. Набрал на таксофоне забытый номер.

– Алло... Алло! Слушаю... Слушаю!.. Витя, ты?.. Сколько тебя ждать?.. Света, не мешай. Алло!.. – и, после паузы, – Паша?!.. Паша, где ты? Почему молчишь?.. Витя?..

Он повесил трубку, испытывая совершенно неожиданное чувство полного, окончательного освобождения.

Человеческий рассудок устроен в принципе одинаково у всех. Может быть, действительно существуют индивидуумы, способные и приказать себе не думать, и выполнить такой приказ. О том, что случилось, почему и как быть дальше или, по классическим канонам, «что делать?» и «кто виноват?» Но это – в теории. На практике, как бы ни гнал человек тягостную мысль, она окажется сильнее. Придет, влезет, втиснется, втемяшится, и от нее не уйти.

«Я убил человека. Нет!!! Или все-таки да? Защищался, да, но... Умертвил, угробил. Прикончил. Выстрелил, попал, и – все. Жизнь оборвалась».

Лежа на полке и безуспешно пытаюсь заснуть под монотонный стук колес, он час за часом искал спасительную ниточку, лучик, просвет. Объясниться, оправдаться, хотя бы перед самим собой. Нарушил главную заповедь? Да он-то по ним, которых не помнил толком, никогда и не жил! А потом, не убей он, его самого, как пить дать, на свете не было бы. Поневоле нарисовалась мрачная статистика: если убить убийцу, то в итоге общее число убийц на земле, оказывается, не уменьшается.

«Тот паршивец, пожалуй, подобных мук-терзаний себе бы не позволил. Ага, но он-то – не я!»

На такой случай, чтоб не дать уму зайти за разум, мыслящий сгусток материи, называемый мозгом, обладает способностью подмены понятий.

«Возьмем, к примеру, существо, живущее убийством... предположим, паучок – чтобы жить, просто обязан ежедневно делать что? Отлавливать мух-комариков, бабочек-красавиц, а потом – фу, высасывать заживо. Птичка кушает рыбку, рыбка – птичку, ту же рыбку, червячка... Кого придется. Кот, опять-таки, вот хоть Тиша. Он, в отличие от рыбок с паучками, убивает мышек с крысками не ради пропитания (ну, не только ради него), а из охотничьего азарта и еще – дабы очистить от них, вредителей, мой да соседский садик-огородик».

Вот и нашлось нужное: «Не человек это был, а хищная, подлая, нехорошая тварь в людском обличье. Крыса. И я,

значит, совершил не убийство, а своего рода очистительный акт! Санитарный, так сказать... На том и порешим, и не надо углубляться в философические бредни с переживаниями, а то так и до явки с повинной недалеко».

В процессе поиска оправдания свершенного акта мысль потекла в другом, до того не хоженем направлении. Стреляя по колесу «Мерседеса», отставник был почти уверен – никто не пострадает и уж точно не погибнет. Но, стараниями «чистильщика», замысел сорвался.

Интересно, кем все-таки был сидевший за рулем? Местный мафиози, главный бандит-рэкетир? В таком случае блюстители порядка разве что спасибо не скажут тому, кто избавил их от лишней головной боли. А если крупный воротила или, пуще того, деятель при власти? Тогда станут искать, копать, рыть.

Найдут? Черта с два! Там налицо двое участников, причем у одного в руке ствол, посредством которого ухлопали другого. А может, он сперва из снайперки колесо пробил, сбегал добить водителя, а после, весь в слезах и муках совести, отправился к месту засады и сам себе черепушку разнес?

Если не принимать в расчет несоответствие диаметра раны на лице «самоубийцы» калибру «Глока», для наших сыскарей, ей-богу, лучшей версии не придумать. Да вот вскрытие сразу покажет то, чего быть не может: с двух раз застрелиться невозможно! Будут, будут рыть. Прочешут лес, ищей-

ку приведут, все контакты мертвецов поднимут, проверят, опросят.

Ну и что? Он был уверен – нигде не засветился. Из винтовки стрелял и обыскивал труп в перчатках, их сбросил в урну на вокзале. Спальный мешок невзначай оставил на остановке, где ему, новенькому, давно приделали ноги. Следы? Шел к засаде и уходил оттуда, надев на кроссовки двойные пластиковые мешки – никакая собака, трижды гениальная, не унюхает.

Нечто, оставленное вблизи привала в силу утренней физиологии, опознанию, гм, не подлежит. Разряженный и протертый «Марголин» надежно похоронен на опушке, под моховым пластом. Обойма и мобильник – в ливневой канализации. Пусть ищут.

Первыми на «поле боя» придут, само собой, гаишники. Пока допрут, в чем дело – какое-никакое время пройдет. Труп на склоне с дороги первым беглым взглядом не увидеть, прикинут: киллер приехал-уехал. Где-то там припрятан «Бумер». По документам определяют, чей – вот тут начнут осматриваться. И все равно, пока криминалист не ощупает рваное колесо, о выстреле из засады не догадаются. Когда еще всплывет «третий лишний»! К тому часу и роса высохнет... Жаль, дождика, скорее всего, не предвидится.

Даша?.. Выйдут на нее? Очень и очень маловероятно... А что ей, собственно, известно? Да, собственно, ничего. Письмо писала? Ну и что? О чем его собирались просить – не зна-

ла, факт. Скорее всего, подверглась угрозам, «наезду», но, похоже, отделалась легким испугом. По голосу было понятно – никакого вреда ей толстый гад не причинил.

И все же, все же. Находки в Петровичевом саквояже побуждали к мыслишкам на тему о возможности грядущей перемены места обитания и личности. В самом деле, не поглядеть ли, по примеру незабвенного Антона Павловича, что творится, скажем, на Сахалине? И, уж заодно, на Цейлоне? То есть, тьфу, Шри-Ланке⁴. . . Найденного в саквояже хватит на десяток паспортов с любыми визами. Нет, все-таки нет. Бегство – добровольное признание вины, а его никто ни в чем не обвиняет. Во всяком случае, пока.

Кстати, о гадах. А почему ты так вот сразу записал «почти друга» в абсолютные мерзавцы? А может, он к тебе तोпился совсем не за тем, что ты вообразил? Вдруг наш упитанный меховщик – не акула бизнеса, а благотворитель? И его кредо «все лучшее детям, бедным и больным»? Как завещал вечно живой, который не Кощей, но не менее лысый и бессмертный?

Подошел бы он, убрал свой «Глок» за пазуху, а оттуда вытащил обещанный должок и рассчитался. Не свинцом, как тебе показалось с перепугу, и не наличными – их у него с собой не было, а, скажем, одной из пластиковых «Виз». Вот, мол, Васильич, живи и пользуйся, пин-код такой-то, помни

⁴ В 1990г. А.П.Чехов по пути с Сахалина в Одессу на пароходе «Петербург» побывал на Цейлоне

мою доброту! А ты, не дождавшись сердечного – бац-бац, и в точку.

Ага, держи карман шире! Промедли еще секунду, он бы своего шанса упускать не стал, причем вполне мог начать пальбу прямо с бедра, не поднимая пистолет на уровень глаз, как ковбой из вестерна. Так что морские забавы принесли вполне заслуженные плоды. И до чего ж кучно, с ума сойти!

Это только в классической Евклидо-Пифагоровой геометрии кратчайшим расстоянием между двумя пунктами считается прямая, вернее, ее отрезок. Современная наука предпочитает Лобачевского, а у него подход к этому вопросу несколько иной. Нам надо на юг? Отлично, значит, проедем километров пятьдесят на ближайшей электричке, следующей в прямо противоположном направлении. Билет возьмем до конечной, лучше в вагоне, предложив продавцу-контролеру сдачу оставить себе.

Выйдя на полустанке, пройдем пару верст пешочком, пойдем попутку и часика через три-четыре будем в соседнем областном центре. А уже оттуда – проходящим скорым на Кавказ. Не до самих гор, устроит предгорье. Потом еще пересадка, несколько часов и – дома. Это все к тому, что, пожалуй, не стоит всем желающим сразу откровенно рассказывать, где был-побывал чижик, он же пыжик, не так ли?

Железная дорога способствует долгим раздумьям. Прихваченный специально для коротания времени томик от них

не избавил.

«А признайся честно, разве ты подрядился на сомнительное предложение ради денег? Ничего подобного. Тогда, может, перетрусил за Дашку с ее семейством? Тоже ерунда. Понятно было – ее взяли в оборот... Любую мать легко напугать. Но упрись я, скажи – плевать на них с высокой колокольни, и отстал бы злодей, нашел себе другого стрелка, поговорчивее. Тогда почему? Выходит, Петрович правильно тебя просчитал. От скуки. Захотелось размяться, кровушку по жилкам разогнать, а заодно – подложить ему, борову жирному, хорошую свинью. Вот и подложил...»

В дороге надо спать. Любоваться проплывающими за окном пейзажами. Читать, болтать с попутчиками, в конце концов втихаря распивать что-нибудь из неположенного. Много думать – вредно. Итог оказался неожиданным и пугающим. Жил себе, поживал, о годах не гадал, всё казалось – словно законсервировался и время над ним не властно.

А вот на тебе! Когда спускался на платформу краевого вокзала, где до домика у моря и тоскующей соседки рукой подать, грудь вдруг сдавило и показалось: на плечи взвалили несколько пудов, по доброму десятку кило за каждый годик, которых не считал.

Захотелось охнуть, сесть и отдышаться. Проводница, взглянув в его враз постаревшее лицо, участливо спросила, все ли в порядке. Натянуто улыбнувшись, пассажир кивнул и непривычно медленно дошел-добрел до ближайшей скамьи.

Полчаса сидел, закрыв глаза, стараясь дышать ровно и неглубоко. Надеялся – отпустит. С его багажом в медпунктах и больницах лучше не показываться. Прошло. Какая-то тяжесть под горлом осталась, левая рука слегка онемела. Ничего, сейчас домой, искупаться в море, выспаться. Глядишь, Тихон заявится, промурлычет колыбельную. И будем жить.

«Нива», как и следовало ожидать, скучала на стоянке. С учетом общей неприязнительности и оплаты на неделю вперед, никто к ней не прикасался. Пока хозяина не было, железяка успела порядком запылиться. Небрежно забросив поклажу в кабину, он не торопясь выехал, посигналив и махнув рукой на прощание седовласому охраннику в будочке. Тоже, верно, свой, отставник...

Возле соседского забора стояла незнакомая машина, побольше и значительно новее его вездехода. И сделана совсем на другом заводе. Не иначе, племянник объявился... В открытую водительскую дверцу вытекает струйка дыма, за тонированными стеклами не разглядишь, сколько человек внутри. Он подкатил к своей калитке, хлопнул дверью, потянулся. В аптеку сходить, за валерьянкой, что ли?.. Позади негромко кашлянули.

– Робин Павел Васильевич?

Что, все? Неужели так быстро?!

Оборачиваться не хотелось. Обвел взглядом двор, налитые виноградные гроздья, свежую кладку новопостроенной бани. Из-за беседки в соседнем саду выглянуло улыбающееся-

ся лицо, блеснули черные глаза. Эх, Анечка, не довелось нам попробовать моего винца, а оно, пожалуй, вполне созрело. Жаль... Что ж, может, так и лучше.

– Простите, что без предупреждения, не знаю Вашего телефона. У нас организуется служба охраны небольшого учреждения – яхт-клуб, казино. Мне рекомендовали Вас в аэроклубе как надежного и порядочного человека...